

ПОИГРАЕМ?

ксеня корнилова

Ксения Корнилова

Поиграем?

«Автор»

2024

Корнилова К.

Поиграем? / К. Корнилова — «Автор», 2024

Двенадцать человек. Двенадцать разных судеб, запертых в одном отрезанном от мира заброшенном поселке далеко в горах. Можно смириться с холодом и почти полным отсутствием еды. Но как спокойно спать, когда каждый день находят новый труп? Как узнать, кто оставляет на телах маленькие деревянные палочки с вырезанными на них именами жертв? Сплотиться и попробовать переиграть преступника? Или затаиться и надеяться на подмогу? Вопросов больше чем ответов. "Поиграем?" - герметичный детектив, написанный в рамках эксперимента, в котором участвовал автор и десять читателей со всей России.

© Корнилова К., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ксения Корнилова

Поиграем?

Предисловие

Книга «Поиграем?» – самый сложный и одновременно самый захватывающий опыт из всего моего писательского творчества. Все потому, что родилась она как эксперимент из совместного труда меня, как автора, и группы инициативных читателей, решившихся разделить со мной это таинство создания целого нового мира, так похожего на наш. И, несмотря на то что имя автора указано мое, я не могу не упомянуть и не поблагодарить своих постоянных читателей, без которых эта книга если бы и появилась когда-нибудь на свет, то уж точно была бы совершенно другая. Но вместо того, чтобы в тысячный раз брать слово и пускаться в описания этого опыта, я хочу поделиться мыслями и эмоциями тех, кто вместе со мной придумывал персонажей, пробирался через тернии сюжета, кого немного потряхивало на поворотах и уносило вслед за героями, оживающими на страницах книги «Поиграем?».

Маргарита Печкарева, г. Йошкар-Ола:

«Я всегда знала, что писательский труд очень тяжёлый, но не думала, что настолько, пока не решила принять участие в эксперименте по написанию книги вместе с автором. Мало придумать сюжет и героя, надо все описать так, чтобы читатель поверил. В процессе написания книги, каких только идей не возникало, вместе с автором выбирали самые интересные "жизнеспособные" варианты. Поражаюсь трудоспособности и терпению Ксении: объединить в команду десять абсолютно разных людей, из их идей, предложений, порой бредовых, создать книгу с захватывающим сюжетом – это огромный талант! Мне участие в эксперименте очень понравилось, это новый интересный опыт, а осознание того, что некоторые мои идеи автор использовал в сюжете, очень греет душу. Моя героиня Эвелин Стюарт – успешная красивая женщина, но одна ошибка, и её жизнь начинает рушиться как картонный домик.»

Татьяна Малиновская, г. Калуга:

«Мой первый опыт, не совсем удачный, но я надеюсь, что хоть чем-то оправдала своё присутствие в команде.»

Александра Речкунова, г. Барнаул:

«Насколько удивителен и многогранен мир писателя, настолько он труден и запутан. Мало дать имя герою, придумать ему историю, составить хронологию его действий, нужно ещё вложить в него душу, вдохнуть жизнь, чтобы персонаж не был плоским, а читателю хотелось все дальше и дальше узнавать его. И я это узнала на своём опыте... Эта книга – писательский эксперимент. Двенадцать героев, чьи судьбы были написаны разными людьми и объединены в одну историю руками одного талантливого человека. Ксения дала возможность небольшой кучке своих поклонников и постоянных читателей окунуться в этот удивительный мир, прожить историю своего героя и прочувствовать на себе, как нелегок и коварен путь писателя. Спасибо Вам за подаренный опыт!»

Наталья Васильева, г. Великий Новгород:

«Впервые приняла участие в написании книги. Скромное, по возможности. Но оно окрыляет! Не описать словами чувство радости, даже гордости, что герой, придуманный тобой,

будет жить на страницах книги! Я же его придумала! ... Для Андрэ Миртона я взяла собирательный образ, наделила его качествами, которые замечаю в близких и знакомых людях. Такой опыт запомнится на всю жизнь. Благодаря автору и его эксперименту. Спасибо за доверие, возможность принять участие в священном действии, хоть немного, но внести свой вклад в создание очередного шедевра!»

Оксана Гойкалова, г. Кемерово:

«Представьте себе красивое наливное и спелое яблоко. Его так и хочется взять в руки, попробовать, насладиться спелым вкусом. Но вот ты откусываешь кусочек и ощущаешь лишь привкус гнили во рту. Такое красивое снаружи и такое гнилое внутри. С людьми это тоже так работает. За красивым фасадом из благополучия и успеха скрывается гнилая душонка, которая готова пойти на многое ради своей выгоды. Надеюсь, что читатель сможет разобраться, кто есть кто в этой истории. Отличить фальшь от правды, внешний лоск от гнилого нутра. Я благодарна Ксении за такой бесценный опыт. Горжусь тем, что смогла стать частью этой истории. Это именно то, что потом вспоминаешь годами с особым трепетом в душе.»

Ольга Антонова, г. Оренбург:

«Впервые участвовала в таком эксперименте и это невероятно. Это такая ответственность! Оказалось, что придумать своего героя, даже просто его имя, это так трудно. А надо описать его характер, его историю, его роль в книге. Когда работаешь в команде, все получается превосходно! Мы помогали и дополняли друг друга. Совместными усилиями мы переворачивали судьбы героев с ног на голову. Конечно, ведущая роль была у Ксении, только талантливый автор может собрать весь наш сумбур и связать его в крутую историю! Я очень рада, что причастна к созданию книги! Благодаря этому проекту я в полной мере оценила великий писательский труд!!! Мне кажется, этому нельзя научиться. С этим даром надо родиться.»

Ильвина Петрова, г. Нижнекамск:

«Если вы хорошо меня знаете, то легко сможете догадаться, от чего я отталкивалась при создании своей героини Ирэн. Ирэн Милф – молодая, яркая и соблазнительная девушка с нестандартными пристрастиями, а также травмирующим прошлым, – получилась в целом такой, какой я её себе представляла, но это был лишь первый и небольшой шаг. Впереди предстояла большая работа, а это воплести её в сюжет и раскрыть персонажа со всех сторон. Но не одна я внесла вклад в создание новой книги, так как это была командная работа, инициатором которой был автор. Данный эксперимент показал, насколько труд писателя сложный, но интересный, а я получила ценный опыт и замечательно провела время в дружной и весёлой компании. Надеюсь, наша совместная работа понравится читателям, так же как и нам. Ведь благодаря автору наши идеи воплотились в единое целое. По итогу получился детектив с запутанным сюжетом, напряжённой атмосферой, жуткими событиями и яркими персонажами. Я рада, что приняла участие, а Ксении желаю творческих успехов и не переставать удивлять нас.»

Аксана Мазнова, г. Саратов:

«Литературно – психологический эксперимент Ксении Корниловой в создании герметичного детектива перевернул мое представление о работе писателя. Я поняла, что написание книги – это не только воплощение своих идей на бумаге, но и процесс взаимодействия с другими творческими людьми. Мы задавались вопросами о внешности, характере, привычках, мировоззрении каждого героя. Мы обсуждали идеи, делились своими мыслями о развитии сюжета. Было очень интересно видеть, как разные мнения и предложения сплавлялись воедино, создавая непредсказуемую и увлекательную историю. Благодаря этому опыту я стала увереннее и креативнее в своих творческих начинаниях. Моя героиня, Кэри Макгомери, пыта-

ется разгадать секрет из прошлого. Думаю, читателю будет интересно провести свое детективное расследование. Любимая цитата из книги: «Весь мир растворился в одном слове: "Попробуй"». Мы с Кэри рискнули! Спасибо Ксении за эксперимент!»

Виталий Семендяев, с. Песчанокопское (Ростовская обл.):

«Проще простого раскритиковать абсолютно любую книгу, не задумываясь о том, сколько в неё вложено труда автора. Ровно до того момента, когда попытаешься даже не написать книгу, а создать хотя бы один персонаж... И вот тут с удивлением понимаешь, что для этого мало обладать хорошей фантазией и богатым воображением, а нужно нечто большее, что дано отнюдь не каждому. Даже наделив Мартина Ньюмана во многом своим характером и представив себя на его месте, без помощи от Ксении и поддержки от создателей остальных персонажей я бы не справился с поставленной задачей. Участие здесь помогло мне посмотреть на писательский труд совсем другими глазами и понять многое для себя. Для меня это бесценный опыт.»

Людмила Егорова, г. Орехово-Зуево:

«Никогда и в мыслях не было, что буду принимать участие в написании книги. Наблюдать, как оживает твой герой, переживать за его судьбу и видеть, как складно он вписывается в сюжет под руководством Ксении. Безумно интересно было поучаствовать в таком эксперименте и осознавать то, что до этого никто подобного не делал. И даже если мы это повторим или повторит кто-то ещё, первый раз всё равно будет самым незабываемым и останется навсегда в сердце. Спасибо всем, кто принял участие и, конечно же, Ксении. За её колоссальный труд, за идею, за терпение. Только взглянув на процесс изнутри, можно оценить по достоинству её профессионализм.»

Книга «Поиграем?» – сложный и приятный опыт, объединивший меня, писателя, и читателей со всей России. Вклад всех без исключения ценен, вклад всех без исключения важен. Неважно, сколько было потрачено времени и сил – дорого каждое мгновение, которое удалось выкроить в предновогодней гонке. Надеюсь, эта книга соберет вокруг себя и других людей, которым понравится результат нашего небольшого эксперимента.

Автор

г. Южно-Сахалинск, 2024 год.

Глава 1

В уставшие после бессонной ночи глаза бил яркий свет, внезапно, к самому концу осени, расщедрившегося солнца. Дорога петляла знакомой, но давно забытой темно-серой лентой, так похожей на изъеденный молью шарф, который Эвелин Стюарт связала неумелыми детскими руками, забросила на чердак, где похоронена память обо всех когда-то милых юному сердцу вещах. Там, среди коробок и ключев пыли, разгоняемых большущими крысами, лежал покореженный трехколесный велосипед – отец наехал на него случайно, когда заявился в очередной раз с легким запахом перегара и парковался у дома. Там же нашла покой затисканная до неузнаваемости кукла Бекки – бережно хранимая вплоть до того момента, пока хозяйка не посчитала, что стала слишком взрослой, чтобы спать вместе с потрепанной “подружкой”. И не важно, что иногда мучили кошмары и тогда так хотелось прижать, до боли в пальцах стиснуть пластмассовое туловище, облаченное в выцветшее грязно-зеленое платье. Взрослая – значит, куклу долой!

Машину качнуло в правую сторону, колесо попало в заледеневшую за ночь длинную глубокую лужу. Треск льда привел в чувство, вырвал из так некстати всплывших воспоминаний.

Эвелин не хотела ничего вспоминать. Если бы ее спросили, сама с трудом смогла бы ответить, почему вдруг решила поехать именно сюда, но... Возможно, потому, что больше некуда?

Впереди виднелась стоянка для отдыха. Небольшой клочок земли, залитый асфальтом, который успел потрескаться за долгие годы, неказистое одноэтажное здание примерно пяти метров длиной, в котором располагались туалетные комнаты. Оно выглядело так непривлекательно и пахло так отвратительно, что, казалось, лучше уж потерпеть до пункта назначения или попробовать пристроиться за еще покрытыми пожухлыми листьями кустами.

– Не удивлюсь, если там прячется какой-нибудь жуткий урод, – пробормотала Эвелин, не решаясь даже выйти из машины, и вздрогнула, испугавшись собственного голоса – неожиданно хриплого из-за долгого молчания.

Вокруг, куда хватало взгляда, не было ничего, кроме высоких елей, черных и совершенно голых снизу и бледно-оранжевых почти у самой взъерошенной макушки, уходящей далеко ввысь, метров на тридцать, если не все пятьдесят. Слева дорогу подпирала почти отвесная стена размокшей после недавних дождей скалы, а справа, прямо за прямоугольником стоянки для отдыха, простирался лес, который уходил чуть вниз и дальше до едва слышной отсюда бурлящей реки. Спереди и позади дорога огибала скалу, так что никогда не знаешь, кто вывернет из-за поворота.

Эвелин бросила взгляд на экран телефона, почти полностью разряженного, и нахмурилась: ехать еще целый час, и совсем скоро и вовсе нельзя будет остановиться – по правую сторону появится ущелье, тянущееся почти до самого поселка, куда она направлялась. Только последние километра два дорога будет лежать через поля, а дальше только мост и...

Ничего не оставалось. Терпеть неумоготу, но мысль о том, чтобы нарваться на незнакомца в поредевших с приходом осени кустах, пугала больше, чем здание с обшарпанными светло-серыми в темных подтеках стенами и пустыми глазницами окон. Эвелин на секунду задумалась, стоит ли закрывать машину или лучше оставить открытой на тот случай, если захочется побыстрее уехать отсюда подальше – вдруг там и правда прячется какой-нибудь урод? – подошла к багажнику, едва коснулась покрытой пылью крышки, нервно сглотнула, уцепилась пальцами за нее в попытке открыть. Заперто. Еще раз оглянулась по сторонам и в итоге решила, что вероятность встретить людей на дороге гораздо меньше. За последние четыре или пять часов она не видела ни одной машины, кроме тех, что ржавели и рассыпались у деревянных

домиков безымянных деревень, почти вымерших за те годы, что она сюда не приезжала, а ведь раньше они с родителями останавливались там, чтобы купить парного молока и свежеспеченного хлеба, потискать шелудивого кота или поиграть с лохматой, в колтунах, собакой, страшной ровно настолько, чтобы боялись случайные прохожие, но на самом деле доброй и приветливой.

Зловонный запах ударил в нос. Прижав ладонь к лицу, девушка огляделась по сторонам. Пустые банки и разбитые бутылки свалены в углу, там, где виднелась груда старого тряпья, очевидно ставшего лежанкой, где удавалось провести пару ночей или даже недель в тщетной надежде однажды что-нибудь изменить. Рядом, почти у самого входа в туалетные кабинки, кто-то разбросал фантики от конфет и бумажные пакеты, какие дают в дешевых забегаловках, торгующих фаст-фудом. В голову пришла мысль: “А вдруг “хозяин” вернется?”, и захотелось сбежать поскорее, но терпеть больше не было сил.

Эвелин в два шага оказалась у перепачканной липкой субстанцией двери в кабинку, аккуратно подтолкнула ее ногой и вошла внутрь, надеясь на то, что не успеет задохнуться из-за нехватки воздуха и не придется умирать здесь, в этом зловонии, чтобы не стать посмертной игрушкой того самого извращенца, кто решил сделать это место своим домом.

– С него станется, – пробормотала девушка, с отвращением посмотрела на перепачканный экскрементами унитаз с отколотым боком и прикрыла за собой дверь.

Еще через пять минут она сидела в машине. Как раз вовремя – кусты, обвешанные грязно-коричневыми листьями, дрогнули и изрыгнули на стоянку для отдыха нечто, отдаленно напоминающего человека в длинном, ниже колен, свалывшемся пуховике с оторванным правым карманом.

Взвизгнули шины, в воздух выстрелила мелкая крошка искореженного временем асфальта, машина вырулила на дорогу и скрылась за поворотом.

***

К полуночи в здании не осталось почти никого, кроме охраны и еще нескольких человек, которые судорожно доделывали срочные указания начальства, – случаются такие, которые нельзя отложить.

Через панорамные окна во всю стену виднелся переливающийся огнями город, всюду отмечающий наступившую пятницу. До двадцать пятого этажа почти не долетали сигналы автомобилей, перекрикивание водителей, пьяный смех шатающейся по улицам молодежи, назойливая реклама распахнувших с радостью двери кафе и ресторанов и музыка, звучащая чуть громче, чем следовало, из маленькой лавки, где торговали дисками и пластинками.

Кабинет, в котором за простым прямоугольным белым столом сидела Энди Джонс, выделялся из остальных не только размерами, но и нетипичным для обычного руководителя крупной корпорации дизайном. Наверное, потому, что редко эту должность занимала женщина, особо не стремящаяся к напускной роскоши. Рабочий стол, удобное кресло, длинный стол для посетителей со стульями, стеклянный шкаф, кадка цветов, исписанная черная доска, несколько карт и планов, развешанных по стенам, небольшая кофеварка с набором капсул любимого *chocochino*, небольшая софа в самом углу, где можно поспать, когда совсем не получалось найти ни сил, ни смысла ехать домой, что случалось все чаще. Здесь она превращалась в ту, кем являлась всю жизнь, – достигатором и перфекционистом, ставила на кон все, чтобы оказаться первой, преуспеть, пусть даже приходилось идти “по головам”. “Пускать пыль в глаза” партнеров и заказчиков Энди предпочитала в специально обустроенном зале для совещаний, который “кричал” о богатстве и намекал на надежность компании.

В коридоре слышались неторопливые шаги – охранник обходил здание, то и дело останавливался и заглядывал в кабинеты, чтобы убедиться, что все в порядке. Дверь с табличкой

“Энди Джонс” открыть не решился, помялся несколько секунд, возможно, даже положил перепачканные крошками чипсов пальцы на хромированную ручку, но вскоре ушел, оставив ее опять в одиночестве.

В привычном одиночестве.

Глаза болели от напряжения, голова соображала с трудом. Организм отказывался и дальше функционировать в привычном режиме – то ли возраст не тот, то ли виной тому недавняя простуда. Надо ехать домой, но страшно даже представить, что придется снова остаться одной в большом доме, построенном по личному заказу только в прошлом году. Здесь хотя бы дремал у мониторов этот нерешительный охранник, а там...

Там появлялось время для мыслей, с каждым днем, с каждой неудачной сделкой, с каждым провальными отношениями, которые становились все навязчивее и страшнее. В них не хотелось признаваться даже себе, не то что пойти к психологу или рассказать об этом единственной подруге, которая еще соглашалась выносить странную дружбу с встречами раз в год и редкими поздравлениями с предстоящими праздниками. Все остальные плюнули, перестали общаться. Можно позвонить матери, но они не были близки. То ли из-за излишнего внимания старшему брату, с самого раннего возраста вытворяющему такое, что другие никогда не попробуют за всю жизнь, то ли из-за того случая, после которого родители развелись и им втроем пришлось переехать.

Ключи от машины, маленькая дамская сумочка, теплое светло-голубое, оттеняющее глаза пальто.

К черту все! После атаки хакеров на крупные компании города, умудрившихся стянуть со счетов приличные для группы людей, но незначительную даже для одной многомиллиардной корпорации сумму, информация просочилась в новости, акционеры словно взбесились, совет директоров настаивал на улучшении защиты данных, бросив ее на передовую. “Если что-то случится – отвечать будешь ты”. Кто еще?! Приходилось разгребать это дерьмо самой...

Энди закрыла кабинет на единственный ключ, но вдруг – впервые в жизни – подумала, что вряд ли вернется сюда. Она не знала, откуда вдруг возникла эта мысль, но не испугалась, а почувствовала облегчение.

Давно пора покончить с этим.

Ключ остался в замке. Брелок в виде изогнутой ящерицы, подаренный давно маленькой дочкой одной из коллег, болтался и терся о дверь, пока девушка, ускоряя шаг, направлялась к лифту.

К черту все. Она слишком устала, чтобы продолжать эту бесконечную гонку.

Дом встретил темными окнами. Иногда Энди облегченно вздыхала, радуясь тому, что живет одна, – не придется ни перед кем оправдываться или разговаривать. Но в такие дни, как сегодня, жизненно необходимым становилось хоть чье-то присутствие. Нужен тот, кто поможет передумать.

Но никого не было.

Как всегда в такие дни – а они случались все чаще, – Энди вспомнила отца. Они не виделись с тех самых пор, когда мать, погрузив в машину четыре набитых доверху чемодана и обоих детей в машину, выехала со двора небольшого, в два этажа, дома и навсегда оставила позади то место, где они вчетвером были немного счастливы. Хотелось его найти, позвонить, бросить все и приехать за несколько часов и почти тысячу километров в тот самый поселок, пусть он тысячу раз заброшен и дома совсем развалились. Хотелось забыть острые, словно колючая проволока, обвивающая горло, слова матери, ненароком брошенные в тот самый день, когда Энди впервые решила найти его: “Он умер. Извини, я не говорила тебе...”

Наверное, именно тогда впервые пришла мысль о самоубийстве.

Наверное, именно тогда Энди почувствовала себя таким же заброшенным домом, в котором никогда больше не будет счастливого смеха, теплого персикового пирога с карамель-

ной корочкой сверху, визга соседских ребятишек, которые собирались вокруг испеченного по поводу дня рождения торта, усталых тяжелых шагов хозяина, вернувшегося с работы. Не будет ничего.

Наверное, именно с тех пор все достижения стали казаться сплошным надувательством, мыльным пузырем, который лопнет, стоит только отлететь чуть повыше или едва коснуться качающейся ветки осеннего дерева. Однажды исчезнет все, как раскрошится до основания некогда крепкое здание, сравнявшись с землей. Однажды все забудут, что жила на Земле некая Энди Джонс, и первыми забудут коллеги – стоит только выйти из здания офиса.

Решение – импульсивное, но успокаивающее – пришло внезапно. Захотелось одним глазком посмотреть на то место, где она с друзьями бегала наперегонки и верещала так громко, что соседи высовывались из окон и неодобрительно качали головой. Где раз в неделю привозили мороженое – настоящее, сливочно-нежное, с упругими ягодам, которые застревали в зубах. Где запекался персиковый пирог, где улыбался усталый, но довольный отец. Где она ждала его – каждый день ждала, даже если он приходил глубоко за полночь, – и если удавалось не уснуть, забиралась на колени, скручивалась калачиком, а он гладил ее по волосам, и они вместе засыпали до утра.

Впервые за долгое время Энди улыбалась, вырливая со двора дома, бросила взгляд в зеркало заднего вида, прощаясь навсегда, но чувствовала себя почти счастливой. Не потому что мягкие вельветовые брюки приятно обтягивали ноги, не потому что наконец-то можно снять туфли на каблуках переобуться в спортивные кроссовки, не потому что любимая теплая кофта согривала плечи. Тешила мысль, что, возможно, скоро все закончится.

***

Лицо матери, одутловатое благодаря постоянным пьянкам, с темным мешками под глазами, со слишком рано постаревшей морщинистой кожей, нависает, кривится. Рот, из которого несет давно не чищенными зубами, рыбными консервами и перегаром, изрыгает проклятия – каждый раз одни и те же. Самое время отключиться, упасть на диван и спать, пока организм не потребует новую порцию спиртного, но в этот раз все по-другому.

Она не умолкает. Говорит, говорит, говорит... Впервые говорит об отце, впервые называет имя, хоть это и кажется бредом – как такое возможно?! Потом ни с того ни с сего разбивает бутылку, наполовину наполненную дешевым вином, о край стола – какая расточительность! – и вонзает острый край стеклянной “розочки” себе в шею. Все окрашивается в красный...

Каждый раз Сара Уайт просыпается на том моменте, который помнит лучше всего из своих семнадцати лет, – моменте самоубийства матери, совершенного в пьяном бреду.

Тело затекло из-за неудобной позы – она сидит в машине, сложив руки на руль, голову пристроила на заледеневших ладонях. Ступни упираются в педали, колени смотрят вправо, спина еле разгибается. Хочется есть, но еще больше – оставить безумную идею, преследующую как наваждение с того самого дня, как гроб матери забросали сырой землей.

Она решила найти отца. И нашла – это оказалось не сложно, учитывая, что его фамилия и улыбающееся лицо светилось со всех новостных каналов в последнее время – время перед выборами в губернаторы. И как можно не узнать точно такие же серо-зеленые глаза, в которые Сара вглядывалась каждый раз, когда смотрелась в зеркало, вот уже семнадцать лет. Но если найти его было легко, то решиться подойти да и просто пробиться к нему сквозь толпу, окружающую будущего губернатора днем и ночью, было практически невозможно.

Ничего не оставалось, только сидеть у его дома по вечерам и ругать себя за то, что уже вторую неделю не прикасается к учебникам, и ловить подходящий момент, когда он останется один.

Когда не будет репортеров.

Когда не будет водителя или охраны.

Когда не будет его молодящейся жены и детей.

Вдалеке блеснул свет фар. Знакомые, тонкие и ярко белые, они приближались слишком быстро, чтобы считать скорость безопасной. Сара сжалась, втянула голову в плечи и смотрела, как к дому подъезжает черный блестящий внедорожник, за рулем которого сидит уже знакомый молодой человек в деловом костюме и с тщательно уложенными волосами. Машина остановилась. Водитель метнулся к задней двери, выпустил из салона высокого, почти под два метра ростом мужчину с темными, начинающими седеть волосами. На нем привычный костюм, белая рубашка с расстегнутым к вечеру воротником и ослабленным на шее галстуком – официально рабочий день давно закончился, и хотелось чуть-чуть расслабиться.

Он оглянулся только на секунду, зацепился взглядом за старый седан, красный, с белыми полосками по бокам, равнодушно скользнул взглядом по оцепеневшей за рулем девушке, чей силуэт едва различался в темноте пустой улицы, шепнул несколько слов водителю, кивнул в ее сторону и, потеряв всякий интерес, пошел в дом.

Сара затаила дыхание, на всякий случай вцепилась в ключ, торчащий в замке зажигания. Ее заметили – не могли не заметить, – и объяснить свое присутствие здесь будет трудно.

Она оказалась права. Молодой человек в черном костюме пригладил волосы, достал продолговатый предмет из внедорожника и пошел к ее машине. Пальцы на ключе дрожали. Надо завести машину и уехать, но сковал дикий страх.

Водитель отца коротко постучал в заляпанное грязью боковое стекло костяшками пальцев, затянутых в черные перчатки, заметил на них грязные следы, едва заметно поморщился, наклонился и уставился на нее.

Пальцы еще на секунду задержались на ключе, метнулись в сторону кнопки, открывающей окно.

– Привет, – приятный низкий голос чуть с хрипотцой. На губах застыла притворно-приветливая улыбка. – Давно сидишь?

Сара открыла было рот, чтобы ответить, но из горла вырвались лишь тихие хрипы.

– Шеф велел передать. Держи.

В салон просунулась рука в черной перчатке и с большим термосом, еще теплым. Молодой человек постоял пару секунд, словно ожидая слов благодарности, но вскоре развернулся и пошел обратно, буркнув себе под нос: “Задолбали эти репортеры”. Подойдя к внедорожнику, он забрался на водительское сидение, мигнул на прощание фарами и уехал.

Кофе. Черный, чуть подслащенный. Ровно настолько, чтобы было приятно пить. Сара вдохнула будоражащий запах, сделала пару глотков, закрутила плотно крышку и аккуратно, словно это хрустальная статуэтка, убрала термос на сидение рядом с собой. Хотелось верить, что отец – хороший человек, и, когда заметил девушку, которую посчитал за журналистку, решил угостить ее кофе. Первый подарок отца.

Так странно. До этого дня в ее жизни мужчины попадались грубые, похотливые и жалкие. Они приходили к ним домой, оставались на ночь или как минимум на несколько часов, спаивали мать до бессознательного состояния, чтобы делать с ней все, что заблагорассудится. Некоторые пытались приставать к Саре с тех самых пор, как ей исполнилось шесть, но, однажды испугавшись, девочка пряталась в чулане, когда понимала, что мать вернулась домой не одна. Иногда удавалось уснуть, но чаще приходилось пялиться в свете фонарика в книгу и старательно делать вид, что не слышит звуков, доносящихся из другой комнаты. К счастью, такое случалось не часто и стало скорее исключением, чем правилом.

Погрузившись в неприятные воспоминания, Сара не сразу заметила, как боковая дверь дома открылась, на пороге появился мужчина с темными волосами, едва тронутыми сединой, а теперь спрятанными под простой вязаной шапочкой. Непривычный спортивный костюм, синие

кроссовки с белыми полосами по бокам и легкая куртка темно-бордового цвета. В руках он нес рюкзак цвета хаки.

Мужчина стоял на обочине и оглядывался по сторонам, словно кого-то ждал. Уже через несколько минут к дому подъехал синий пикап, водитель выскочил из салона, передал документы, и почти побежал вдоль улицы обратно, в ту самую сторону, откуда приехал. Недавно обретенный отец сел за руль, взвизгнули шины.

Впервые за последние пару недель он остался один.

Впервые у Сары появился шанс поговорить с ним.

Пальцы, мелко дрожа то ли от холода, то ли от волнения, снова легли на ключ. Машина заурчала и тронулась с места.

***

Ветер бил в палатку, выгибал упругие оранжевые бока. Солнце только-только выглядывало над горизонтом. Было слишком холодно, чтобы решиться выбраться из теплого, нагретого собственным телом спального мешка, хотя дико хотелось кофе с овсяным печеньем – еще оставалась последняя пачка.

Андрэ Миртон дремал, то и дело поглядывал через расстегнутый бок палатки на ошеломительный вид, какой возможен только здесь, в горах. Выступ, на котором он остановился на ночлег, был не больше пяти метров шириной, зато почти пологий, покрытый еще зеленой травой. Она блестела росой, золотилась первыми лучами солнца, а дальше – только горы, чуть тронутые первым снегом, еловый лес и извилистая бурная река.

Звякнул телефон. На экране высветилось: “Агнес”.

Андрэ хмыкнул, смахнул уведомление в сторону – подождет. Не за тем он уходил в горы. Но дурацкое, назойливое раздражение не покидало. И откуда тут сотовая связь?!

“Доброе утро, любимый. Когда вернешься?”

Вздыхнув, Андрэ написал короткое: “Завтра” и поставил телефон в авиа режим, проклиная себя за то, что не сделал этого раньше. Он, кажется, по-настоящему любил эту слегка полноватую – как раз в его вкусе – девушку, которую часто с нежностью называл “прилипала”, восхищался ее способностью вытянуть любого из самого гадкого настроения, но привыкнуть в постоянному контролю не мог. Наверное, поэтому, или потому, что глубоко внутри свербила тревога, возникающая благодаря одной только мысли, что придется связать себя с одним человеком, предложение руки и сердца так до сих пор и не было сделано.

Горячий кофе, сваренный на маленькой спиртовке, обжигал язык приятной горечью. Порывшись в рюкзаке и убедившись в том, что почти все запасы съедены, Андрэ подумал, что и правда пора прервать небольшой отпуск и вернуться домой, чтобы засесть за компьютер и погрузиться в работу над новым проектом.

Солнце уже слепило так, словно не знало, что давно наступила осень. До дороги, где он бросил машину, оставалось около трех дней пути, но если срезать путь и пройти через старый заброшенный поселок, едва виднеющийся отсюда, с высоты, то получится сэкономить сутки или даже двое. Главное, чтобы мост, еще весной показавшийся слишком хлипким, уцелел после обильных осенних дождей, размывающих дороги и стягивающих поваленные деревья в узкие места реки, из-за чего та постоянно выходила из берегов, а в это время года превратилась в клокочущее рыжее чудовище, встретиться один на один с которым захотел бы либо очень отважный, либо просто дурак.

Понадобилось около получаса, чтобы сложить палатку, закрепить на рюкзаке и в последний раз посмотреть на почти отвесные горы, испещренные непролазными пещерами, куда стекались спелеологи со всей страны. Пожалуй, на этом сезон можно закончить, зимой полететь

в тепло – все равно работал он удаленно, зарабатывал неплохо, поэтому имел возможность позволить себе несколько месяцев на Бали. Да и любимая “прилипала” явно будет не против.

Вдруг захотелось услышать ее голос. Вытащив телефон из кармана плотных, перепачканных пылью и каменной крошкой брюк, Андрэ выключил авиарежим.

“Нет сети”.

– Черт!

Андрэ сунул бесполезный кусок пластика и металла обратно в карман, поправил рюкзак так, чтобы лямки не сильно впивались в плечи, еще раз осмотрел место ночлега и пошел по едва заметной тропинке, протоптанной за теплый сезон такими же любителями полазить по горам и пещерам.

Путь вел все время вниз, хотя иногда приходилось подниматься, держась за скользкие корни деревьев или веревки, привязанные к черным от влаги стволам. Чем дальше он спускался, тем гуще становился еловый лес, одурманивающе пахнувший хвоей и смолой. Здесь на тропинке попадались сломанные ветви, покрытые рыжей травой камни, а земля превратилась в кашу, и приходилось идти чуть медленнее, чтобы не переломать себе ноги. К полудню дымка, цепляющаяся за топорщащиеся во все стороны иголки, растворилась, и идти стало веселее.

До заброшенного поселка оставалось пара километров, когда солнце в последний раз погладило Андрэ по заросшей щетиной щеке и пропало за макушками елей. У него был выбор: остановиться, разбить палатку между деревьев или идти дальше, но уж слишком велико оказалось желание попробовать найти хоть один сохранившийся в достаточно целом состоянии домик и поспать на нормальной кровати, а если повезет – даже принять душ, хотя рассчитывать на это было глупо, учитывая, что люди ушли из этих мест лет десять назад и больше не появлялись. Хотя ходили слухи, некая компания решила выкупить земли и отреставрировать домики для того, чтобы устроить тут чуть ли не эко-отель, которые пользовались все большей популярностью у людей, уставших от городской жизни, но вздрагивающих при одной мысли о том, чтобы спать в спальном мешке практически под открытым небом, рискуя проснуться облепленным муравьями.

В темноте идти стало еще сложнее. Ноги скользили и разъезжались, ветки цепляли одежду, царапали руки, норовили воткнуться прямо в глаза. Незавидное положение Андрэ едва спасал карманный фонарик, работающий на солнечной батарее, но и его обычно хватало ненадолго – давно пора купить новый, да руки не доходили. Несколько раз он упал, больно ударился бедром об острые камни, вляпался ладонями в склизкую мерзость и проехал пару метров на животе вниз. Неприятно, но не смертельно.

Впереди остался последний спуск. Очень крутой, отвесный, огибающий поселок по всему периметру, отрезая путь каждому желающему подняться вверх. Здесь могло помочь только специальное оборудование, но последнюю веревку пришлось оставить при подъеме из пещеры, повинувшись внезапному порыву щедрости – вдруг другому путнику она будет нужнее?

Андрэ остановился на самом краю, глядя в очертания одинаковых двухэтажных домиков, которых насчитал тридцать, хотя один или два, скорее всего, прятались за поворотом у реки, огибающей поселок с другой стороны, оставляя единственный шанс на переправу – по длинному деревянному мосту. Там же, за поворотом, находилось административное здание, объединяющее в себе и школу, и детский сад, и кабинеты органов управления, и скудный магазин, торгующий самым необходимым, и зал с круглыми столиками, где праздновали дни рождения или Рождество, и несколько этажей для тех, кто специально направлен сюда с целью реализовать секретный проект. Рядом со зданием располагалась маленькая пристройка – местный полицейский участок, о чем свидетельствовала поблекшая вывеска. Больше здесь не было ничего.

Когда он заходил сюда в прошлый раз лет пять назад, природа еще не настолько вступила в свои права, но сейчас почти ничего здесь не напоминало о присутствии человека. Дорожки

заросли травой, низенькие ограды поглотил густой кустарник, деревца, высаженные для красоты, разрослись и ветвями почти полностью закрывали вид из окон.

Если пройти чуть влево, можно попробовать спуститься, держась за корни деревьев с минимальным риском упасть и сломать шею. Ему не привыкать – и не из таких передрыг находил выход! Андрэ сделал несколько шагов, нырнул снова в чащу леса и краем глаза увидел тусклый, едва пробивающийся через заляпанные глиной фары свет. Машина остановилась у моста, дверь со стороны водительского сидения открылась и появилась фигура, скорее всего, мужская. Незнакомец прошел вперед, заглянул вниз, туда, где бурлила разлившаяся после дождей река, зашел на мост, попытался понять – не опасно ли там проехать. Пару раз оглянулся, словно раздумывал, не оставить ли машину на том берегу и пройти дальше пешком, но все таки решил и через пару минут уже медленно ехал между домами.

Ночной визит выглядел странно – дальше проезда нет, значит, незнакомец целенаправленно ехал в заброшенный поселок, если только не заблудился. Хотя поверить в это сложно, если учесть доступные технологии, не оставляющие шанса потеряться даже в такой глуши.

Решив, что это, скорее всего, представитель компании, собирающейся восстанавливать территорию, Андрэ нырнул обратно в лес и уже через несколько минут оказался внизу. Осталось выбрать свободный домик – и можно отдохнуть. Завтра он перейдет через реку, спустится еще на пару километров вниз и выйдет прямо к машине. А пока – главное, не попасться никому на глаза.

***

Голова гудела из-за усталости и непрошенных мыслей. Они в панике разлетались в разные стороны, натыкались друг на друга, пугались еще больше, сливались в бесформенное нечто или рассыпались на тысячи осколков. Если бы только удалось собрать все в кучу – одной проблемой стало бы меньше.

Как будто у него и без того их мало!

Предвыборная гонка выматывала, но вплоть до сегодняшнего вечера Дениэл Фрай получал и от этой беготни, и от внимания каждого из простых жителей и даже матерых журналист ни с чем несравнимое удовольствие, которое до этого получилось испытать только однажды – в далеком детстве. Таким далеким, что это все уже походило на наваждение. Сном. Большой фантазией. Горячечным бредом.

С тех пор он не позволял себе ничего подобного, предпочитал действовать умнее – так учил отец. И в этот момент, как никогда раньше, Дениэл был ему благодарен. Иначе долго пришлось бы разгрести авгиевы конюшни прошлого, прежде чем с уверенностью зайти за трибуну рядом с главным соперником, которого в прошлый раз жители выбрали рекордным количеством голосов. Теперь именно прошлое, тот восхитительный момент детства, стояло между ним и званием губернатора. Если хоть кто-то узнает, что тогда произошло...

Опять назойливая мысль вонзилась ядовитым жалом, мешала сосредоточиться. Он гнал на предельной скорости почти всю ночь и был так близко к цели, но одно неверное движение, и арендованная на чужое имя машина слетит с дороги прямо в крутое ущелье. Надо было остановиться и поспать, но, очевидно, каждая минута промедления подобна смерти – если в поселок, где Дениэл жил до шестнадцатилетия, заявятся строители... Им не составит труда порыться в старых архивах и найти информацию, за которую любая новостная программа готова будет заплатить несколько тысяч.

Нет, нельзя этого допустить.

Но и ехать дальше, рискуя жизнью, тоже нельзя.

Синий пикап остановился у обочины. Борясь с усталостью, Дениэл вылез из салона, потянулся и блаженно застонал, когда почувствовал, как кровь приливает к затекшим в дороге

мышцам. Никогда еще за сорок семь лет он не чувствовал себя таким старым. Напротив, как только стукнул пятый десяток, в него словно вдохнули новую жизнь, новую энергию. Тогда пришло решение баллотироваться в губернаторы, и семь лет спустя он почти у цели. А ведь все – включая жену – смеялись над его мечтой и советовали лучше перебеситься, купить, как многие другие в кризисе средних лет, дорогую спортивную машину, обязательно красного цвета с дерзкими белыми полосами по капоту. Но ему нужно было не это.

Дениэл Фрай жаждал власти. Давно, неистово, нестерпимо, безудержно. Той самой власти, когда в руках находится чья-то жизнь. Но приходилось сдерживать себя во имя большей цели, хоть и доводилось иногда вспарывать обстоятельства в попытке пробраться повыше и занять место поуютнее на социальной лестнице.

Вокруг стоял темный лес. Только-только занималась заря, и здесь, в горах, солнце еще ленилось, пряталось ото всех и лишь едва золотило верхушки высоченных елей. Лучшее время – перед рассветом.

Вспомнились давние деньки. Девчонки, которых он с удовольствием и даже гордостью катал на отцовском пикапе – похожем на тот, что стоит в стороне и остывает после долгого пути. Дениэл никогда не испытывал нехватки в общении и поклонницах. В довесок к мужественному подбородку и подтянутому телу у него горели глаза. Так горели, что могли разжечь огонь даже в самой заядлой зубриле, которые обычно не обращают внимания на противоположный пол. В добавок ко всему, у него была грамотная речь, он умел и любил рассказывать обо всем подряд, о чем читал в местной библиотеке. Возможно, именно тех девчонок стоит благодарить за то, что жизнь сложилась именно так, как сложилась, – желая пустить пыль в глаза, он начал учиться, а потом вошел во вкус.

Налетел колючий ветер. Пробрался под куртку спортивного костюма, взьерошил темные, чуть тронутые сединой на висках волосы. Дениэл забрался обратно в теплый салон и откинулся на спинку сидения. Усталость отпускала, получилось расслабить напряженные до предела плечи. Зато сразу навалился сон, и пришлось приложить усилия, чтобы вырваться из цепких лап, взять себя в руки и снова завести мотор.

Синий пикап взревел, распугал птиц, затаившихся в лесной чаще у обочины дороги. Всего пара часов – и он сможет сам убедиться в том, что архивы уничтожили, личные дела из полицейского участка вывезли или утилизировали за давностью лет. Так будет лучше. Так точно будет лучше. Хоть и нестерпимо хочется еще хоть разок взглянуть на те фотографии, которые тыкал ему в лицо отец с фиолетовыми от гнева, налитыми кровью щеками.

Главное, не уснуть. Продержаться. Бесконечный лес начал надоедать, и Дениэл то и дело поглядывал в зеркало заднего вида, будто надеялся увидеть там что-то другое – портал в иные измерения или вроде того. Но дорога была пустая. Он абсолютно один в этом забытом Богом и людьми месте. Те немногие покосившиеся домики близлежащих деревень остались далеко позади, да и они пятались на проезжающий мимо пикап ощерившимися осколками стекла окнами. Еще на выезде из города, после поворота на магистраль, показалось, что за ним едет старый седан, красный с белыми полосами. Но потом мысли захватили, он отвлекся и потерял преследователя. Если тот вообще существовал где-то еще, кроме воображения. Скорее всего, это была та журналистка, которая караулила у дома, – слишком молодая, чтобы вызывать опасение. Она, скорее всего, сдалась. Сдулась. Плюнула и поехала домой, где занялась сексом с таким же молодым любовником или накидалась текилы в компании подружек.

Все к лучшему.

Дорога вильнула в сторону, обогнула последний выпирающий острым углом утес. Тут и там валялись горы вязкой глины, совсем свежей – вероятно, недавно здесь прошли сильные дожди, и с гор сошла сель, раскидав вокруг обломки деревьев и перемазанные грязью комки листьев. Проехать можно, но лучше сбавить скорость, чтобы не снесло в кювет, который заканчивался далеко-далеко внизу в бурном потоке светло-оранжевой реки.

Знакомый деревянный мост – сердце бешено забилося. Он не возвращался сюда больше тридцати лет, но вновь попал на эти земли, почувствовал, словно и не уезжал.

Словно снова вернулся в одиннадцать лет, и они с ребятами бегут наперегонки. В волосах ветер, в глазах огонь. В сердце желание выиграть во что бы то ни стало.

***

Квартира, подсвеченная только экраном телевизора, где двое мужиков ломали друг друга в борьбе за титул чемпиона мира, являла собой настоящее холостяцкое логово. Кожаный диван без мерзких подушечек, разрисованных котиками и собачками, на окнах жалюзи вместо невесомого тюля и плотных штор, женские обнаженные фигуры на черно-белых фотографиях, развешанных по стене напротив входной двери, в углу валяется пара гантелей и “блинов” – как раз под вбитым в кирпичную необлицованную стену турником. Здесь не задерживались женщины, сменяли одна другую, но в этом и весь смысл.

Слева от входной двери, за деревянной перегородкой, расположился настоящий бар: черная мраморная стойка, полки, уставленные бутылками, высокие темно-синие стулья с низкой спинкой, хромированная кофеварка – последнее слово техники, прекрасно заменяющая самого изысканного бариста.

Именно здесь, уставившись в панорамное окно, сидел Logan Райт и вертел в одной руке граненый стакан, почти на четверть наполненный чистым виски, а в другой небольшую, всего сантиметров семь длиной обыкновенную деревянную палочку, на которой выгравировали его имя, – талисман, оберег, защита. Он не любил много пить и редко напивался – знал, что запросто может отключиться уже после трех порций, но нравилось вдыхать аромат дорогого напитка и чуть смачивать узкие губы.

Он изнывал от скуки. Когда стукнуло тридцать три года – возраст Христа, – вдруг выяснилось, что больше не за что бороться. Он прошел войну, вышел из самого пекла живым, сумел выиграть несколько боев и открыть успешный бизнес. Теперь можно ни о чем не думать, жить в удовольствие. Но череда роскошных, падких на брутальную и даже слегка отталкивающую внешность женщин не спасала от одиночества, а друзья казались настолько ограниченными, что становилось тошно.

Часы пробили полночь. Logan поставил стакан с нетронутым виски в раковину и лег на диван – матч давно закончился, началась новостная программа. Сначала говорили о политике, потом перешли на дорожные происшествия. Прямо перед прогнозом погоды всего минуты на три транслировали репортаж о небольшом, давно заброшенном поселке в горах. Его собирались восстановить и возить туда туристов.

Неинтересная для большинства информация.

Для Logana же этот короткий сюжет имел эффект взорвавшейся бомбы – такой, какой чуть не оторвало ноги на войне. Такой, из-за которой погиб весь взвод...

Его не интересовали ни путешествия, ни отельный бизнес. Его не впечатляла череда заброшенных домов. Но услужливая память, так долго выдававшая только эпизоды последних лет, вдруг выдала воспоминание о девушке.

Он любил ее неистово. Так не принято любить – не в их время! Давно минули века, где отважные рыцари сражались за сердца прекрасных дам, но Logan готов был на все ради того, чтобы она согласилась встречаться с ним. Его лучик света, муза, единственный шанс на спасение. О ней он думал, когда, избитый до полусмерти в доску пьяным отцом, прятался во дворе соседского дома, не решаясь вернуться к себе в комнату. О ней он вспоминал каждый раз, когда хотелось покончить с собой, точно так же, как сестра, – сделать выбор и уйти, лишь бы не терпеть унижение и издевательства.

Взрослее на пару лет, девочка не обращала на чахлого, тощего, забитого отцом-тираном пацана никакого внимания. Мать рано умерла, и некому стало рассказывать, как стоит вести себя с той, кто тебе нравится. Единственным примером стал отец, но лучше бы его вообще не было...

Захотелось выпить. Даже не выпить – напиток. Стакан, наполовину наполненный виски, опустел за минуту, початая бутылка снова пошла в ход. Логан выпил еще стакан или два, прежде чем почувствовал нестерпимое желание увидеть ее. Увидеть снова красивое смуглое лицо с едва заметным шрамом над бровью. Сжать пальцами тонкие руки, провести пальцами по спине – позвонок за позвонком. Убрать непослушную прядь за ухо – она так мило морщила нос, когда волосы падали на стального цвета глаза...

Эта мысль стала наваждением. Найти ее не составило труда – у него везде были свои люди, готовые предоставить любую информацию в любое время дня и ночи.

Элмаристрит. Дом тридцать девять.

Маленькая стрелка на часах перешагнула цифру “три” и упорно подбиралась к четырем часам ночи. Надо бы подождать – но ждать не было сил. Виски в крови смешались с навязчивой идеей, застигнувшей врасплох как раз тогда, когда так хотелось впустить в жизнь нечто безумное, и правили балом, не оставляя шанса подумать.

Спустившись на лифте в подземный гараж, Логан немного остыл – прохладный осенний воздух сделал свое дело, и в голове прояснилось.

Что он скажет? Что сделает?

Судя по отчету информатора, та, к кому он собрался вломиться среди ночи, давно замужем и, скорее всего, не пустит даже на порог.

Но это было выше его сил.

Черный матовый внедорожник взревел. Охранник, коротающий ночь на кушетке в будке рядом с проходной, включил свет и еле успел поднять шлагбаум – машина вырвалась на волю и теперь пробиралась по темным улицам.

Дом оказался небольшим, но с такой же подземной парковкой, правда, открытой всем желающим и без охранника на въезде. Логан ехал медленно, вглядываясь в номера машин и, наконец, заметил белую Тойоту, совсем новую. Ту самую, которая фигурировала в отчете.

Снова накатили сомнения. Снова захотелось вернуться домой. Но ничего же не случится, если он просто припаркуется здесь – на пару минут. Выкурит сигарету. У него валялась пачка в “бардачке” на самый крайний случай – Логан не любил курить почти так же сильно, как напиваться до синих чертей.

Прошло минут пять или десять. Он уже собирался уехать, бросить дурную затею и вернуться домой, выбросить из головы внезапно заставшее врасплох желание вспомнить прошлое. Когда увидел ее.

Стального цвета глаза казались почти черными. Длинные темные волосы струились по плечам и закрывали лицо. Она совсем не изменилась. Словно так и осталась той самой девочкой, мило морщащей нос.

Пальцы легли на ручку двери, уже почти вдавили ее, позволяя замку открыться, но тут до него дошло, что что-то не так. Она озиралась по сторонам, нервно отбрасывала локоны за спину. Открыла багажник, начала выгребать оттуда бумажные пакеты, запачканную пылью сумку, несколько больших бутылей с водой, автомобильную аптечку, пару банок с краской... Все это переключало на заднее сидение, и девушка снова скрылась за дверью, ведущей в подъезд. А когда вернулась – Логан не мог поверить глазам...

***

Остывающее солнце только начинало отбрасывать вокруг длинные тени, а мать уже копошилась на кухне, хотя едва справлялась даже с приготовлением завтрака. Надо бы встать и помочь, но Юэль Бергман не хотел вылезать из теплой кровати, из-под вязанного толстого пледа, накинутого прямо на тяжелое ватное одеяло, тащиться голыми ногами по ледяному в это время года полу, влезать в резиновые сапоги только затем, чтобы притащить ведро воды из колодца.

– Мам, иди спи, – голос ломался, и вместо привычного визга из горла вырвался хриплый бас, срикошетил от деревянных, давно некрашенных стен, покрытых облупленной бежевой краской, и полетел дальше, до самой кухни. Хотя дом был такой маленький, что можно даже шептать – все равно услышишь.

Она, как обычно, промолчала и продолжила демонстративно греметь посудой.

– Мам! – в этот раз получилось громче. – Я сам все сделаю! Попозже!

Юэль не был идеальным сыном, но мать любил и всячески старался помочь. Иногда даже мучила совесть, но пересилить себя не мог или не хотел.

Накрывшись с головой одеялом, мальчик вдохнул затхлый влажный запах и замер. Если повезет, еще удастся поспать.

Он почти задремал, когда услышал звук мотора. Подскочив на кровати, Юэль бросился к окну, подвернул ногу, чуть не упал, едва слышно вскрикнул, схватился тонкими пальцами за дышавший на ладан подоконник и жадными глазами уставился сквозь мутное, в подтеках дождя окно. Точно. Машина! И не абы какая развалюха, на каких сюда, пусть и редко, заглядывают охотники или любители полазить по горам, а новенький, слегка покрытый пылью синий пикап.

Натягивая по пути рваные, давно не стиранные засаленные джинсы и растянутый вязаный свитер, мальчишка побежал на кухню, где еще гремела посудой мать, – оттуда лучше видно дорогу, петляющую по лесу почти до самого заброшенного лет десять назад поселка. Он раньше часто ездил туда на стареньком кривом велосипеде, время от времени его подбирали те, кто ехал в ту сторону, – пятилетнего розовощекого пацана знали все, и некоторые даже принимали за своего.

Некоторые, только не поселковые мальчишки, считающие своим долгом поиздеваться вдоволь то над пропавшим без вести отцом, то над однорукой матерью, ставшей инвалидом почти сразу после его рождения, то над ним самим, “деревенским”. Они мнили себя высшей кастой, избранными, словно жили не в закрытом поселке, а в каком-нибудь мегаполисе. Хотя разве место жительства делает тебя лучше или хуже?

Синий пикап вскоре пропал из вида. Но не успела улечься поднятая громадными колесами пыль, как снова послышался звук мотора. Мимо промчался красный с белыми полосками седан и скрылся из вида.

Еще две машины за последние пару дней. Что-то происходит в давно забытом поселке. Но что? От любопытства Юэля потряхивало. Накинувшись на приготовленный матерью завтрак, он смел все за минуту, влез в старые, почти полностью развалившиеся кроссовки, которые стали малы еще в прошлом году, и выбежал за дверь. Верный друг – велосипед с кривым передним колесом – стоял, прислоненный к забору, и только того и ждал, чтобы отправиться в следующее путешествие, хотя давно пора оттащить его на свалку металлолома в близлежащем городе и выменять за него пару монет. Но мысль о том, что он будет окончательно отрезан от внешнего мира, пугала.

Ничего. Скоро он уедет отсюда. Найдет в городе приличную работу и жилье. Заберет с собой мать. Не подыхать же тут, в полностью сгнившем домике...

Дорожная пыль давно улеглась. Разгоряченный поездкой, Юэль привставал с сидушки, вытягивал длинную шею вперед, насколько позволяла физиология, и хватал ртом воздух в попытке отдышаться. Останавливаться не хотелось, его гнала вперед жажда самому, своими

глазами, увидеть, что затевается там, куда давно никто не ездит. По спине тек пот и тут же, на ветру, превращался в липкую корку. Длинные, до плеч, спутанные колтунами невымытые волосы почти насквозь промокли и теперь налипали на лоб, нос, щеки. В какой-то момент перед глазами замельтешили “мушки” и пришлось чуть сбавить скорость, чтобы не свалиться и не испарпать себе колени, но уже через минуту предвкушение чего-то нового опять толкнуло вперед, заставляя наплевать на все остальное.

Он не обращал внимания на высоченные ели, черные снизу и темно-оранжевые у верхушки. Не смотрел вниз в ущелье, окутанное туманом, напоминающее очередную сагу о вампирах и оборотнях. Он насмотрелся на красоты местной природы. Ему хотелось большего.

Впереди показался мост. Деревянный, построенный еще лет пятьдесят назад, тогда же, когда на естественное, почти ровное плато, окруженное с одной стороны скалами, а с другой – глубоким ущельем с рекой по самому дну, пришли люди и решили построить тут поселок. Юэль не знал, чем тут занимались, никогда не интересовало и то, почему отсюда, в конце концов, все ушли. Поговаривали, тут работала группа ученых, чей проект вскоре закрыли за недостаточностью финансирования. Некоторые склонялись к предположению о религиозной секте, решившей уединиться от греховного мира за горами. Другие верили в то, что пришедшие искали тут в горах полезные ископаемые – нефть или золото, – но ничего не нашли и свернули поселок, вывезя жителей поближе к городу. Сам Юэль предпочитал версию, что здесь, в этой глуши, разрабатывали секретное смертоносное оружие – вроде атомной бомбы.

Остановившись у моста, Юэль слез с велосипеда, покатил его вперед, внимательно вглядываясь в очертания домов, прикрытых разросшимися деревьями и кустарником. Он бывал тут иногда – идеальное место, чтобы отдохнуть от матери и побыть одному, – залазил в домики, рассматривал оставленные прошлыми жильцами вещи, делал вид, что это принадлежит ему одному. На чердаках осталось много интересного. Кое-что он даже утаскивал с собой и обменивал на пару гамбургеров в городе или оставлял себе.

Сначала мальчишка увидел красный с белыми полосами седан. Он спрятался за первым же домиком под навесом у самой стены. Синий пикап проехал на пару сотен метров вперед и, не скрываясь, раскорячившись на всю дорогу, стоял у дома под номером двенадцать.

Юэль бросил велосипед в кусты. Надо подобраться поближе и заглянуть в окно... Только так, чтобы никто не увидел.

***

Длинные латексные перчатки выше локтей стягивали кожу. Узкое, едва прикрывающее кружевные черные трусики платье обтягивало так, что не оставляло места для фантазий. Ирэн Милф провела пальцами по блестящему чокеру, украшенному подвеской в виде серебряного сердечка с темно-синим камнем по центру, завела руки за шею, склонила голову чуть вправо и вперед и расстегнула упрямую застежку. Пепельного цвета волосы упали на лицо, она убрала их за ухо и посмотрела прямо перед собой в зеркало, подсвеченное по периметру лампочками.

– Ну что, можно расслабиться? – Ирэн улыбнулась отражению, стянула перчатку с левой руки и бросила прямо на пол. Следом полетела и остальная одежда.

Острые плотные струи воды обволакивали уставшее тело, успокаивали после долгого дня и насыщенной ночи. Волосы, темные, напитанные влагой, прилипли к бледным плечам, напряженной спине. У ступней с красными отметинами от туфель скапливалась вода, и Ирэн опять вспомнила, что собиралась вызвать сантехника, но забывала об этом сразу же, как выходила из душа.

Запахло лаймом и мятой. Любимый шампунь заканчивался, и это раздражало – что еще может пойти не так?!

Выйдя из душа, Ирэн накинула на мокрое тело шелковый халат, который тут же прилип к влажной коже. Еще раз посмотрела на себя в зеркало, поправила выбившиеся пряди насквозь мокрых волос, с которых стекала вода и капала на черный кафель, и прислушалась.

– Давай же, проваливай, – пробормотала она, повернула замок, приоткрыла дверь и выглянула в комнату.

Никого.

Случайный любовник, имени которого девушка не удосужилась спросить, уже ушел. Она не слышала, как захлопнулась дверь, пока наслаждалась душем, но радовалась тому, что тот не стал дожидаться или делать вид, что обязан теперь жениться или что-то подобное. Ей не нужны отношения. Ей хватало проблем, чтобы брать на себя еще чьи-то.

Комната напоминала поле боя. Скомканное одеяло валялось в углу, простыни смяты и свисают с кровати, к изголовью пристегнуты наручники, рядом валяется кляп и плетка с тонкими обрезками кожи. Надо было прибраться, но часы показывали три утра – слишком долгий день для той, которая вынуждена просыпаться в пять, чтобы успеть вовремя на работу. Повезло, что завтра выходной.

На столике с зеркалом стояла початая бутылка вина. Подхватив ее, Ирэн вышла из спальни в гостиную, забралась с ногами на мягкий велюровый диван, приятно ласкающий воспаленную после горячего душа кожу, включила телевизор, убавила звук до минимального, сделала несколько глотков вина прямо из бутылки и почувствовала, как наконец-то отпускает напряжение, такое знакомое и такое надоевшее. Она уже и не помнила себя другой. Не помнила ту, кто не вздрагивал из-за громких внезапных звуков, не пытался в толпе встать ближе к стене, чтобы никто не подошел со спины, не топил в алкоголе и случайном сексе своих демонов.

Потянувшись всем телом, Ирэн поставила бутылку на пол, сама легла, отвернулась к спинке дивана, прижалась согнутыми коленками. Здесь, у себя в квартире, она могла не бояться, что кто-то нападет сзади.

Ей снился один и тот же сон, преследовавший с того самого момента, когда забытое, похороненное услужливой памятью прошлое вылезло наружу. Алый шелковый пояс – чуть ярче, чем был на самом деле, или чем тот, который она запомнила, – единственное, что осталось в памяти с той ночи. Два стакана водки, наполненные до краев, – единственный раз, когда она пила что-то крепче вина. Грубые руки, оставляющие синяки на коже, – слишком большие и крепкие, чтобы быть правдой, они затмевали все, перекрывали свет, были везде.

Ирэн проснулась внезапно, словно вынырнула из ледяной проруби на морозный зимний воздух – с хрипящим вдохом, раздирающим легкие. Сердце бешено колотилось. За прикрытой только успевшим высохнуть шелковым халатом спиной она почувствовала чье-то присутствие, но лишь сильнее зажмурилась, пытаясь прогнать назойливое чувство страха.

– Там никого нет. Никого нет. Нет. Нет. Нет. – Охрипший ото сна голос тонул в велюровой обивке дивана, пропитанной ее дыханием. – Вот видишь? Видишь?!

Но она ничего не видела, кроме ярких вспышек в закрытых глазах – пульсацию сердца.

Через несколько минут страх отпустил. Тело расслабилось. Ирэн перевернулась на спину, одними глазами посмотрела в сторону, где, как ей причудилось, кто-то мог стоять, наблюдая за ней, спящей, и, убедившись, что совершенно одна в огромной полупустой комнате, устала в потолок. На нем уже играл пробивающийся сквозь неплотно прикрытые шторы луч света – настал новый день. Новый шанс что-то исправить.

Она со стоном поднялась, на цыпочках подошла к окну, поплотнее задернула шторы и пошлепала босыми ногами на кухню – чашка горячего крепкого кофе, вот все, что нужно.

– Ты либо решишься, либо не решишься, – прошептала она сама себе и затолкнула капсулу в кофеварку. Она привыкла разговаривать сама с собой и даже любила это больше, чем общение с кем-то другим. – Ты либо решишься, либо не решишься.

Повторила чуть громче. Слова показались весомее, как-то плотнее.

– Ты либо решишься, либо нет, – повторила она, глядя на размытую копию себя в отражении на глянцевом фасаде кухонных шкафов. Она ненавидела их – постоянно заляпанные отпечатками пальцев, они сводили на нет любые попытки привести в порядок вполне неплохую квартиру. Давно пора их поменять – она мечтает об этом с тех самых пор, как въехала сюда два года назад. Но так же, как и визит сантехника и покупка нового шампуня, все вылетало из головы. Все считалось второстепенным, неважным.

– Ты либо решишься... – фраза оборвалась на половине. – Если ты не решишься, тебе лучше сдохнуть.

***

Разговор с отцом пошел не по плану. Сначала он долго не мог дозвониться – как обычно, – потом минут пять жаловался на здоровье “В мои-то годы...”, как будто его семьдесят восемь отличаются от тех же семидесяти восьми, в которые соседка носится как заведенная по выставкам и мастер-классам, а недавно записалась на классы йоги.

Кэри Макгомери не прерывала разговор и периодически вставляла веское “угу” или “да ты что!”. Поискала глазами свободное место, куда можно присесть, – новые туфли натерли мозоли, а старые она успела благополучно выкинуть еще вчера, обрадовавшись новой сменной обуви для работы.

Дальше пошли разговоры о соседях – нынешних и прошлых. Отец вспоминал какие-то имена, которые звучали для нее случайным набором букв. Кто-то умер “в его-то годы...”, кого-то любимые чада отправили в дом престарелых. Кэри попыталась вставить привычное “может, это к лучшему? Если условия...”, но отец никогда ее не слушал и был непреклонен в этом вопросе.

Сегодня солнце не обещали, но откуда-то появился упрямый луч и теперь светил прямо в глаза. Развернувшись к шкафу, заставленному папками с документами и фоторамками, Кэри прислонилась к нему плечом, приподняла натертую туфлями левую ногу и застонала, радуясь временному облегчению.

В кабинет заглянул Филл – новый стажер, выполняющий функции помощника, и, к слову сказать, справлялся с ними достойно. Да и что еще нужно, если научить человека варить правильный кофе. Он что-то прокричал одними губами, кивком головы показал влево и вышел. Все понятно. Ее уже ждут на совещании с очередными инвесторами, но разве можно закончить разговор с отцом, если только не нагрубить и просто не отключиться?

Кэри не сразу сообразила, что к чему, когда в трубке повисла тишина. Извинилась, “меня тут перебили...”, для верности закатила недовольно глаза, словно он мог увидеть, и попросила повторить то, что он только что сказал.

– Я говорю, как Дилан? – прохрипел в трубку отец.

Сложно подобрать слова, когда совсем нет желания говорить. Да и что тут скажешь? “Без изменений”? “Нормально”? “Все хорошо, пап”? Ничто из этого не будет правдой, а вранья в жизни и без того хватало.

Пришлось отделаться расхожими фразами вроде “кушает” и промолчать, что “когда действуют лекарства и боли прекращаются”.

Отец, наверное, кивал, понимал, где Кэри врет, где говорит правду, а где не договаривает. Он лучше других знал, через что она проходит, – сам несколько лет наблюдал, как сражалась за каждый день жизни жена – ее мать, – постепенно угасая, пока от нее почти ничего не осталось. Лишь горстка пепла, который они развеяли пятнадцать лет назад над тем самым местом, где мама была так счастлива.

Кэри отключилась на несколько минут, отвлеклась на воспоминания о детстве и на полные ужаса глаза Филла, снова заглянувшего к ней в кабинет. Молодой человек недвусмысленно

провел большим пальцем по горлу, показывая, что ничем хорошим для нее этот разговор не закончится. Но вряд ли совет директоров решится избавиться от самого главного научного сотрудника, на котором держатся приоритетные исследования. Тем более она предупреждала, что не будет больше плясать перед инвесторами в попытке выбить больше денег. Пусть этим займется другой!

Все-таки надо присесть. Рабочее кресло было залито успевшим остыть кофе, стул для посетителей завален бумагами. Пришлось пристроиться на краешек стола и наконец-то снять туфли-убийцы. Не иначе их делал женоненавистник!

Голос в трубке опять замолчал, но только Кэри собиралась опять переспросить, как отец затараторил снова. Он вспоминал маму. “Помнишь, одно время мы думали, она поправится?”. Сейчас она вспомнила. Мама тогда впервые за несколько месяцев смогла сама встать с постели, и они вместе пошли в небольшой сквер прямо рядом с обрывом. То самое место, которое делало ее счастливой...

Как можно было забыть об этом?!

Сердце бешено заколотилось. Мысли путались. Маме что-то помогло... Но что? Бесплезно спрашивать отца – он помнил только то, что повторял по тысячу раз в день, когда пересказывал одни и те же истории. Кэри была слишком маленькой, чтобы хоть что-нибудь запомнить, да и они перепробовали слишком много всего, чтобы поставить маму на ноги. В ход шло все, от последних разработок фармацевтических компаний до бабок-травниц с их душистыми сборами.

Что-то из этого помогло... Но что?!

Грубо, неправильно – она потом будет корить себя за это и извиняться перед отцом – Кэри отключилась, поставила телефон на беззвучный режим, для верности закинула его в верхний ящик стола, еле втиснув между бесконечными отчетами о последних испытаниях, и выбежала за дверь. Отмахнулась от Филла, как от назойливой мухи – “Потом, Филл, подожди. Не убьют же меня!”, – рассмеялась на возмущенное “Убьют меня!” и быстрым шагом пошла по коридору – пятая дверь слева с табличкой «Дэвид Макгомери».

Нажала на ручку до упора, толкнула дверь – заперто. До нее дошло, что буквально перед звонком отца Дэвид рассказывал, что его срочно попросили улететь на очередную фармакологическую конференцию, чтобы заменить одного из приглашенных спикеров – тот обколосся запрещенкой и совсем ничего не сообщал.

Что же делать? Она так привыкла залетать в его кабинет и ходить из угла в угол, высказывая очередную – часто идиотскую – идею. Он просто слушал, не перебивал. Сидел за столом и следил за ней одними глазами. Когда поток слов иссякал, бросал либо “Бред”, либо “Попробуй”, протягивал руку, целовал в самые кончики пальцев и отворачивался обратно к бумагам.

“Бред или попробуй? – вертелось в голове у Кэри. – Бред? Или...”

Они с мужем тоже испробовали практически все возможные способы, чтобы поставить на ноги неизлечимо больную дочь или хотя бы облегчить боли, которые отпускали даже не на дни, а на часы после приема сильнодействующих обезболивающих, которые не меньше разрушали тело бедной девочки. Они вместе работали в одной из крупнейших фармацевтических корпораций, причем не отсиживались в администрации, а сражались на передовой, лично участвуя в экспериментах. Они готовы на все. Даже на преступление...

– Где этот чертов телефон?! Филл! Иду! – Кэри нашла телефон, дрожащими пальцами набрала несколько строк. “Ну, давай же, давай!”

Уже не заботили стертые ноги, не злила необходимость идти “плясать” перед новыми инвесторами. Весь мир растворился в одном слове: “Попробуй”.

***

В свете свечей стены со свисающими поблекшими обоями казались покрытыми отслаивающейся синюшной кожей мертвеца. За окном тарашилась в черное небо непроглядная тьма, не видно ни луны, ни звезд, хотя еще вчера ночью двор озарял колючий белый свет. Будет дождь.

Мартин Ньюман сидел за деревянным, грубо сколоченным столом, прогоревшим там, куда падали своевольные горящие спички, выворачиваясь из чуть дрожащих пальцев. Перед ним лежала обыкновенная школьная тетрадь, разлинованная едва заметными при таком освещении голубыми полосами, и перьевая ручка. Давно пора начать пользоваться компьютером, но... Он мог позволить себе удовольствие заниматься любимым делом так, как считал нужным.

Но сегодня он не испытывал никакого удовольствия, потому что не получалось сосредоточиться и начать даже первые несколько строк.

Все не то. Пустые, лживые истории, тысячи раз пересказанные, не вдохновляли. Не вдохновляло даже это место, где он позволял себе побыть в полном одиночестве и – самое главное – вспомнить прошлое.

Оно не отпускало. Иногда давило, пригибало к земле, иногда подталкивало вперед. Говорят, что великие творения рождаются из настоящих чувств, из реальных травм, которые приходится проживать, пожалуй, каждому. Только не каждый способен превратить до отвращения грязный кусок жизни, личной истории во что-то по-настоящему прекрасное.

У Мартина получалось. До этого – получалось.

Зарывав от бессилия, он оттолкнул тетрадь на край стола, и ручка покатилась, легко брэнча, упала на пол и закатилась к стене. Мартин откинулся на спинку стула, запрокинул назад голову и прикрыл глаза.

Время шло, но в голове вертелись лишь затертые до дыр сюжеты. Он читал их сотни – тысячи – раз, благо имел постоянный доступ к приличной коллекции книг городской библиотеки, за которыми сам охотился и вполне успешно. Хотелось чего-то нового – необычного! – того, что захватит и душу, и тело. Что пробудит настоящий интерес, прежде всего, его самого. Иначе как по-другому донести до читателя то, что рвется наружу изнутри, из самого центра, потаенных глубин подсознания, в которые одному и заглядывать страшно. Но рядом с ним всегда оказывались тысячи – миллионы – лиц читателей. Они ждали, в волнении и предвкушении. Тянули к нему руки, пытались вырвать себе часть души и зачитать до дыр, как самый лучший в мире роман.

Надо закурить. Только не здесь. Он любил запах табака, наслаждался ритуалом набивания старой, доставшейся от деда, трубки, но никогда не позволял себе дымить дома. Может быть, потому что и мать не позволяла отцу?

Мартин достал деревянную исцарапанную коробку со сколотым краешком и жестяную коробочку самого лучшего табака, который только можно было достать, чаще нелегально. Забил трубку на треть, слегка надавил сверху, добавил еще немного – и снова примял высушенные листья большим пальцем правой руки. Оставалось только засыпать третью порцию и утрамбовал посильнее.

Настоящая осень, еще теплая в городе, здесь, в горах, пронизывала до костей. Не спасало ни теплое, обычно подходящее даже для зимы пальто, ни натянутая почти до глаз шапка. Вглядываясь в макушки елей, на которых висели, цепляясь за иголки, черные тучи, Мартин пытался переключиться на воспоминания о прошлом, но получалось скверно – слишком большие надежды он возлагал на эту поездку, а через пару дней уже уезжать. Похоже, ни с чем.

Накатила знакомая злость вперемешку с растерянностью. Так бывало нечасто, в последний раз, когда он узнал об измене жены, но не мог решить: сохранить брак или послать эту стерву куда подальше. В итоге она решила за него сама. В один день собрала вещи и уехала, даже не пожелав объясниться или извиниться. Они прожили вместе три года, а расстались за три минуты.

Но теперь никто не мог помочь. Никто не мог влезть к нему в голову и навести там порядок. Никто не мог подарить стоящую идею или хотя бы героя, о котором хотелось бы писать и писать...

Где эта чертова муза, когда она так нужна?!

Мартин уже собирался вернуться домой, когда услышал звук мотора. Он замер, вслушался в забытый на эти две недели, что он жил в заброшенном поселке, звук, опять не в силах решить, хорошо это или плохо. Он бывал тут достаточно часто – идеи для целой серии книг пришли к нему среди этих многовековых елей. И никогда прежде не видел, чтобы сюда приезжал кто-то, кроме редких охотников, любящих устраивать тут ловушки, – отрезанный от мира единственным мостом поселок казался идеальным местом, чтобы загнать в ловушку запуганное животное.

Машина остановилась по другую сторону улицы и чуть левее, за поворотом. Двигатель еще работал на холостом ходу несколько секунд, и все стихло. Хлопнула дверь, мягко ударившись резиновыми вставками о корпус, по гравийке, заросшей давно засохшей травой, зашуршали шаги. Человек был один. Он не торопился, но и ничего не боялся. Такое чувство, что был уверен: он абсолютно один в этом Богом забытом месте. Второй хлопок, чуть звонче – входная деревянная дверь. Незнакомец скрылся в доме, и навалилась знакомая тишина.

Нервно сглотнув, Мартин поднял взгляд на окна второго этажа, где плясал под дыханием сквозняка огонек свечей. Надо бы подняться и потушить их, затаиться на время, пока не поймет, кто решил нарушить его покой, – если это залетные мародеры, то мало ему не покажется! И хоть мало кто знал про это место, все-таки поколений тут сменилось немало.

Осторожно поднявшись к себе на второй этаж, Мартин задул свечи, поднял закатившуюся к самой стене ручку, повертел в руках, рассматривая с обиженным выражением лица, словно это она виновата в том, что вдохновение так и не пришло, положил ее в девственно чистую тетрадь и убрал в сумку. Туда же отправились полотенце, теплая кофта, которую надевал на ночь, чтобы не замерзнуть, коробка с трубкой и жестянка табака, взятая на всякий случай книга. Он не собирался бежать, но лучше быть готовым к тому, что надо будет уехать, если вдруг сюда, как и обещали, заявятся новые хозяева, готовые переделать его отчий дом в дурацкий отель. Словно другого места нет!

***

На единственной рябине, росшей на улице из тридцати двух домов, гроздьями висели сморщенные темно-красные ягоды. Листьев уже не было, и черные, хаотично и дерзко растущие ветви изрезали вид на двухэтажный, давно окрашенный светло-серой краской дом на две семьи. От вымощенной булыжником улицы к нему вела подъездная дорожка, почти полностью заросшая сорняком и даже мелкими деревцами – природа брала свое, отстаивала вновь подвинутые когда-то границы. Крыльцо с лестницами с двух сторон располагалось прямо по центру и вело в две разные части дома – левую и правую. Краска на стенах потрескалась и облупилась, под некогда белые рамы набилось сухих листьев и сломанных ветров веточек. Крыша, выложенная бледно-зеленой черепицей и нависшая над вторым этажом, давно нуждалась в ремонте.

Если присмотреться, взглянуться в мутные из-за налета времени и грязи окна, кое-где сохранившие свой первозданный остекленный вид, то можно рассмотреть простой деревянный шкаф, одиноко стоящее рядом кресло и даже торшер под широким абажуром. Остальное скрывалось от глаз, но Грейс Дженсен помнила, что справа от этого места – где она девочкой любила читать – располагался прямоугольный добротный, сколоченный отцом обеденный стол. Стол был неказист и кое-как обработан, постоянно цеплял маму за капроновые колготы, но никто не собирался его заменять – всем нравилось собираться за завтраком или ужином, обсуждать последние новости, делиться сокровенным. Еще правее, у самой стенки, там, где

тянулось длинное почти во всю стену, но узкое окно, стояли кухонные шкафы, белая газовая плита с духовкой и небольшой холодильник. Мама отлично готовила, любила по выходным баловать семью, и в доме всегда пахло свежей выпечкой или тушеным мясом, ягодным компотом или жареной рыбой.

Грейс подняла голову, словно хотела забраться на второй этаж, но ничего не увидела. Там располагались раньше две комнаты – детская с рисунками, развешанными по стенам, и родительская спальня, строгая, но уютная. Лучше всего запомнился пушистый с длинным ворсом ковер, на котором постоянно валялись игрушки, и детальки пластикового конструктора пропадали там без следа, пока не попадались под мамину или папину ногу. Было смешно смотреть, как родители скачут на одной ноге. Мама всегда смеялась, а папа еле сдерживал ругательства, заменяя их безобидными словами.

Грейс свернула направо, зашла за дом, огляделась вокруг и увидела заросший кустарником старый, почти полностью развалившийся сарай. Интересно, трехколесный велосипед еще сохранился? Хотя откуда ему там быть. После них в этом доме жила другая семья, и, возможно, не одна. Люди не задерживались здесь надолго – взрослых, работающих на компанию, содержащую поселок, отправляли сюда максимум на пару лет, отлично понимая, что в такой глуши, в таком замкнутом и отрезанном от мира пространстве легко сойти с ума. Конечно, можно было по выходным выезжать в близлежащий город, но до него приходилось добираться несколько часов, так что редко кто-то решался на такое приключение. Да и дорогу часто перемывало, что не давало выбраться отсюда несколько недель или даже месяц.

Да, взрослые могли тут сойти с ума. Но детям жилось весело.

Грейс вернулась к главному крыльцу, оглянулась на машину, припаркованную прямо на улице. Надо бы отогнать ее под навес. Не потому что кто-то приедет и увидит, а на случай дождя. Она это сделает потом – не терпелось зайти в дом.

Ничего не изменилось. Тесная прихожая и просторная гостиная, объединенная с кухней, занимали все пространство первого этажа. Прямо у входа – вбитые в стену крючки вместо вешалки и железная полка для обуви. Вытертый коврик, подставка для зонтов... И дверь, ведущая в подвал.

Стало тяжело дышать, накатило волнение. Грейс судорожно сглотнула, потрясла головой, отгоняя воспоминания, осторожно подошла к знакомой с детства двери, закрытой на тяжелый железный засов, находящийся на такой высоте, чтобы ребенок не мог дотянуться, – нечего там делать детям, среди металлических стеллажей, заставленных разным хламом, грозящим свалиться на суетливую голову. Когда была маленькой, она боялась этого подвала и спускалась туда только лишь однажды с лучшей подругой детства...

Сколько же лет прошло?!

В доме стало совсем темно – на поселок опустилась ночь, слишком ранняя из-за растущих высоких елей, окружающих территорию почти по всему периметру. Грейс запустила руку в карман, достала захваченный предусмотрительно фонарик. Луч света выбелил круг на стене, помельтешил у железного засова, закрывающего дверь в подвал, скользнул чуть вправо, нашупал выключатель.

Электричества не было.

Грейс знала, что где-то в сарае за домом стоит генератор на случай аварийного отключения света, но в темноте казалось опасным идти опять на улицу и тем более пытаться запустить махину, простоявшую без работы несколько лет. Она попробует пробраться туда завтра, но, если повезет, к вечеру следующего дня ее уже тут не будет. Она вообще не планировала оставаться даже на одну ночь, но не рассчитала, задержалась в дороге и в итоге приехала, когда уже смеркалось.

Ничего, завтра будет целый день...

В гостиной ничего не изменилось – только не было прямоугольного стола, грубо сколоченного отцом. На глаза навернулись предательские слезы – Грейс редко позволяла себе плакать, просто потому, что давно, еще в детстве, решила быть сильной после того, как они с мамой остались вдвоем.

Все изменилось. Забылись совместные завтраки и обеды, забылись разговоры по душам и веселый смех – кто-то снова наступил на потерянную в ковре детальку пластикового конструктора. Мама старалась любить дочь еще больше, чем раньше – за двоих, – но из-за этого становилось только хуже. Маленькая Грейс чувствовала, словно ее душат в объятиях, забывая дать время отдышаться. Хотя бы секунду – набрать в легкие побольше воздуха и задержать дыхание.

На второй этаж подниматься не хотелось, но и находиться рядом с наводящей ужас дверью подвала тоже. Грейс выбежала на улицу, аккуратно прикрыла за собой дверь, села в машину, отъехала под навес и опустила спинку сидения, собираясь провести ночь здесь. Пусть неудобно, зато спокойно.

Уснуть не удавалось. Одно за другим всплывали воспоминания. Какие-то нежно гладили по затянутым в хвост волосам, другие наотмашь били по лицу. Снова накатили слезы. Они текли по щекам, щекотали подбородок, скатывались по шее и затекали за воротник. Ничего, все пройдет. Все уже прошло...

***

День не задался с самого утра – в дверь постучали. На улице еще было темно, хоть часы показывали семь. Слишком рано для незваных гостей.

Олден Гронер сел на кровати, опустил косматую голову на грудь. Может быть, показалось? Может быть, это балуются деревенские мальчишки, кидая камни в чужие дворы? Или просто поднялся сильный ветер.

Опять стук. Уже громче и настойчивее. Проведя рукой по до неприличия отросшей бороде, Олден встал с кровати, натянул растянутый свитер прямо на голое тело, поморщился – шерсть кололась и щипалась. Зато не холодно. Тапки искать было некогда, и он босиком вышел в сени, где звук ударов в деревянную, дышащую на ладан дверь стал громогласным. Может, это после обильного возлияния домашнего самогона, принесенного соседом “по случаю”. По какому – он уже забыл.

На крыльце стояла худая, закутанная в вязаную шаль женщина без одной руки. Эльда. Мать того самого парнишки, которого однажды он поймал у себя на участке, воруя спелую клубнику, неизвестно как выросшую на давно заброшенных грядках. Она была не слишком старая и даже, наверное, хорошенькая. Маленькое лицо, грязно-серые уставшие глаза, понурый рот. Да, хорошенькая. Только до отвращения грустная.

Несколько минут женщина молчала, смотрела на него округлившимися от удивления глазами, словно не ожидала, что кто-то откроет дверь. Может, ее покорила отросшая борода, поменявшая лицо Олдена почти до неузнаваемости, прибавив десяток лет к возрасту.

Уж лучше бы молчала...

Через пару секунд придя в себя, Эльда затараторила. Сложно воспринимать хоть что-нибудь после бурной ночи с бутылкой самогона, а тут и по давню мозг отказывался складывать вроде знакомые слова в более или менее осмысленные предложения.

Олден посторонился, пропуская женщину внутрь, закрыл за ней дверь, провел на кухню. На столе стояли грязные, перепачканные жареной картошкой тарелки, валялась та самая – уже пустая – бутылка из-под самогона. Напуганный таракан сполз с вилки и пустился наутек вниз по ножке стола, чуть не застрял в щели на полу и пропал из вида где-то за раковиной.

Дико хотелось пить и завалиться обратно в кровать. Махнув пару стаканов воды залпом, Олден почувствовал себя почти сносно и, кряхтя, опустился на табурет, выкрашенный в голубой. Эльда стояла неподвижно в проходе и водила взглядом по неприбранной кухне. У нее самой, поди, всегда был порядок, но разве можно ждать такого от разменявшего седьмой десяток старика, которому не о ком заботиться. Кроме себя, конечно.

– Ну, садись. Что там у тебя? – пробурчал недовольно Олден, едва шевеля затянутыми высохшей коркой губами. В одном месте кожа лопнула, и выступила капелька соленой крови.

Сбивчивый рассказ мог уложиться в два слова: “пропал сын”, но Эльда перепрыгивала с одного на другое, сбивалась, начинала хватать ртом воздух, вдруг надолго зависала, глядела в окно – в надежде, что вдалеке появится знакомая долговязая фигура.

Мальчишка убежал куда-то вчера, с самого утра, и до сих пор не вернулся. Такое бывало часто. Деревенские пацаны никогда не сидели на месте, пропускали уроки в неизвестно как выжившей в нынешних условиях школе, шатались по дороге, срывались в город или в другие близлежащие деревни. Что угодно, только бы хоть на пару часов вырваться из застывшего во времени места.

Но сегодня все было по-другому – так утверждала переполошенная мать.

Сын убежал с самого утра в сторону заброшенного поселка. Не взял с собой ничего из еды, забыл надеть куртку потеплее, проигнорировал связанную кое-как в прошлом году матерью шапку, а ведь скоро обещают похолодание! Но тревожило даже не это, а то, что прямо перед этим практически одна за другой в сторону поселка проехали несколько машин. Сколько? Эльда не считала. Две, может быть, три. Может и больше, но она обычно спит достаточно крепко, чтобы проснуться из-за шороха шин по разбитому асфальту.

С тех пор Юэль не вернулся. И машины – тоже. Одному Богу известно...

Дальше начались предположения, причем самые ужасные, какие просто не могут произойти в реальности. Хотя Олден Гронер повидал всякое! Он точно знал, сколько в людях скрытой тьмы, и сколько в этом мире случайностей, которые легко принять за провидение самой судьбы. Или злую шутку Создателя.

Но в Создателя Олден не верил. Зато верил в то, что никогда не простит себе, если не попытается помочь встревоженной матери. Все-таки она достаточно хорошенькая...

Давно устаревший мотоцикл, верно служивший лет двадцать, был на ходу и даже полностью заправлен. На всякий случай. Олден выпроводил гостью из дома, попросил не переживать, хотя прекрасно знал, что это невозможно. Много вещей брать не стал: покидал в рюкзак несколько коробков спичек, пару свечей, теплый свитер, фонарик. За пояс джинсов засунул пистолет с полной обоймой патронов. На всякий случай взял и сотовый телефон – самый простой, кнопочный, – но вряд ли он поможет там, где не берет мобильная связь.

Старик уже выходил из дома, когда во двор опять влетела Эльда. Олден было облегченно вздохнул и даже чуть-чуть расстроился, так как подумал, что проклятый мальчишка нашелся, но, оказалось, заботливая женщина принесла пакет с бутербродами. Он давно не ел настоящий домашний хлеб, поэтому принял подношение с угрюмой благодарностью.

До цели около трех часов. Если размыло дорогу – то время может растянуться на все пять. Олден торопился, чтобы успеть в поселок засветло. Поиски можно начать завтра, с самого утра, переночевать в одном из домиков, оставшихся во вполне пригодном для жилья состоянии. Ну а когда найдет... Мало тому не покажется! Хотя, если честно признаться, его больше интересовали люди, с какой-то неведомой целью вдруг решившие наведаться в заброшенное Богом и людьми место, где никто не жил последние лет десять или около того.

Неужели прошло столько времени?

Пальцы в плотных кожаных перчатках зажали рычаг газа, мотоцикл взревел. Из выхлопной трубы вырвалось белое облако. Приключение начинается!

***

Небольшой поселок всего на тридцать два дома всполошился, проснулся ото сна протяженностью в девять с хвостиком лет. Но разбудил его не приезд незнакомцев, не клокотание автомобильных двигателей, не рев мотоцикла.

Поселок проснулся от женского крика, раздавшегося поздним утром на следующий же день, когда все двенадцать человек прибыли на место назначения. С многовековых елей вспорхнула стайка птиц. Внезапно налетел порыв ветра, качнул макушки деревьев.

Первый труп нашли в доме номер семнадцать.

Шею стягивала веревка. Под ней виднелись синяки и кровоподтеки. Глаза открыты, чуть вытаращены. Стекланный взгляд устремлен перед собой, и кажется, человек смотрит на что-то удивительно прекрасное.

Это зрелище захватывает, не дает отвести глаз. Но если пересилить себя и оглядеться, рядом с телом можно заметить небольшую, всего в несколько сантиметров, деревянную палочку с выгравированным на ней именем жертвы.

Глава 2

Бежать! Бежать отсюда подальше!

Эвелин вырвалась из цепких рук, державших за плечи, оставляя синяки на тонкой коже, и рванула к лесу. Она не узнавала ничего вокруг, хотя раньше, пока жила тут маленькой девочкой, любила убежать к толстому, наполовину заваленному дереву и прятаться там, наслаждалась одиночеством. Но теперь все стало чужим, враждебным. Верхушки деревьев укутывал густой туман. Он спустился на лес еще ранним утром и до сих не желал отпускать цепкие ветви елей, не давая пробиться скудному осеннему солнцу.

Тропинка почти полностью заросла кустарником и была завалена трухлявыми стволами деревьев. Тут и там из земли торчали пушистые, покрытые зеленым мхом камни, казавшиеся круглыми спинками загадочных мифических существ. Если бы не животный страх, толкающий в спину, Эвелин могла бы даже очароваться тем, как атмосферно и волшебно выглядит утренний лес.

Сзади слышался треск веток и шумное дыхание. Преследователь не кричал, чтобы экономить силы, но из-за этого становилось еще страшнее – казалось, что она убегает от самого дьявола. Зацепившись за камень, Эвелин чуть не упала, нога скользнула вперед. Взмахнула руками, почувствовала, как земля уходит из-под ног, но сумела устоять и сделать еще один рывок вперед.

Дыхание перехватило. Сердце колотилось в груди, забиралось к горлу. В глазах плясали черные мушки. Еще чуть-чуть – и девушка свалится без сил. Но она знала, что уже близка к тайному месту, и это придавало сил.

Знакомая извилистая сосна с ободранном стволом, на котором коряво вырезано $\text{Э} + \text{Л} = <3$. Эвелин поморщилась. Неприятные воспоминания о слишком навязчивом мальчишке, не дававшей прохода, когда ей было лет десять, отвлекли все внимание на себя. Девушка растерялась, остановилась, вглядываясь в деревянные шрамы, оставленные детской рукой. Дрожащие пальцы легли на букву “Э”, очертили полукруг.

За спиной раздался крик. Вздвогнув, словно перепуганная охотниками лань, Эвелин свернула влево и покатила кубарем вниз. Туда, где в небольшом ущелье, закрытом от посторонних глаз наваленными старыми ветками, росло толстое, метра полтора толщиной, дерево. У самого основания образовался небольшой проем – достаточный, чтобы протиснуться тощему детскому телу. Получится ли спрятаться там?..

Вот оно, то самое место! Воодушевленная, девушка обогнула груды все так же сваленных, но сильно заросших кустарником и покрытых мхом веток и встала как вкопанная. Ей ни за что не забраться туда, даже и пытаться не стоит. Неужели она могла быть настолько маленькой, чтобы легко протискиваться в этот проем? Это казалось невозможным.

От безысходности к глазам подкатили слезы, размывая реальность – вот бы они стерли с глаз долой ее преследователя! Но нет, вон он – бежит, шумно дышит. Ему тяжело, наверное, еще тяжелее, чем ей. И пока она бежит – у нее преимущество.

Эвелин бросила последний ненавистный взгляд на вырезанные буквы: $\text{Э} + \text{Л} = <3$.

– Я рада, что ты сдох, – процедила сквозь зубы и рванула в сторону.

Тропинка шла вниз, и приходилось цепляться руками за засохшие поломанные ветви и скользкие корни деревьев, чтобы не упасть. В какой-то момент Эвелин подумала, что преследователь отстал, потерял ее среди чернеющих, почти идеально ровных стволов елей. Она пыталась вспомнить, куда бежать, – в детстве почему-то о таком не задумываешься, не запоминаешь особые приметы, потому что точно знаешь, что любая тропинка рано или поздно выведет к домам, где уже найдутся люди, способные помочь. Или к глубокому ущелью, по самому дну

которого бежала бурная горная река, петляла между скалами и протискивалась между поваленными с крутых склонов камнями. Но сейчас у нее была цель: во что бы то ни стало надо попасть на мост. Если повезет и там никого не будет – она сможет перебраться на другой берег, а там уже легко раствориться в лесной чаще, и никто никогда ее не найдет.

"Черт, паспорт!..".

Если они найдут его – а они найдут, – то узнают ее имя. И заявят. А еще... Найдут то, что она хотела навсегда похоронить здесь, в этом поселке.

"Выбраться отсюда. Выбраться – дальше будь что будет!".

Эта мысль придавала сил. Почти не чувствуя забитых напряжением ног, Эвелин неслась вперед, не обращая внимания на то, что совсем продрогла – вышла из дома в одной легкой кофте, собиралась только поговорить... Кто же знал, что так обернется?

Кто же знал, что ее увидят там, возле распростертого на пропитанном кровью матрасе мертвого тела. Задушенного, привязанного к кровати...

Склон резко пошел вниз, и Эвелин не удержалась. Вскрикнув, она кубарем скатилась вниз, поползла, перебирая руками и ногами, и почувствовала, как проваливаются под скрюченными заледеневшими пальцами наваленные ветки, размокшие и раскрошившиеся после частых дождей. Казалось, она бесконечно падает в глубокую, почти до самого центра Земли, яму. Время застыло. Стрелки на часах скрипнули в последний раз и замерли. Прошла неделя или месяц, или целая жизнь. По крайней мере, очень этого хотелось.

Но минула только секунда, и тело Эвелин упало на острые колья, вбитые чуть под наклоном в землю. Одно пропороло живот и вышло со стороны спины. Другое разорвало бедро, оставив в плоти щепки и мертвых насекомых. Третье вонзилось прямо в левый глаз.

Она не умерла. Сознание почти отключилось из-за невыносимой боли, во рту стоял вкус крови. Даже не успела ничего понять. Вот она, живая и здоровая, просто немного напуганная, бежит по зачарованному лесу, окутанному туманом. А в следующий момент – пустота.

Кровь заливала все вокруг. Она текла из распоротого остро заточенным колышком живота, словно лопнул воздушный шарик, наполненный водой. Изливалась толчками, обжигала, окрашивала усыпанную еловыми иголками землю. Боль была такой сильной и оглушающей, что сразу пропали все звуки. Рокот деревьев, щебетание птиц, завывание ветра. Даже хруста веток под ногами преследователя и натужного дыхания больше не слышно. Хотя именно его Эвелин ждала больше всего в надежде, что кто-нибудь найдет ее, увидит распластанное в яме, приваленной веткам, израненное тело. Перед лицом смерти отступает нелепая вражда и взаимные оскорбления. Люди перестают помнить плохое и легко могут сменить гнев на милость. В конце концов, даже серийных убийц выпускают по условиям условно-досрочного освобождения.

Ей до них далеко...

Боль растекалась по телу и уже становилась чем-то привычным. Эвелин чувствовала, что теряет силы – что они вытекают вместе с кровью, пропитывают деревянные колья, смешиваются с землей. Жутко хотелось спать. Словно она не спала весь вчерашний день.

"Ничего. Всего на минутку. Меня скоро найдут..."

***

Она хотела побыть в тишине, пройтись по местам, знакомым с детства. Попытаться принять верное решение или вовсе отказаться что-либо решать. Но события развивались слишком быстро. Не нужно подходить близко или общаться с незнакомцами, которых занесло в это безлюдное место, чтобы понять, что произошло что-то ужасное.

Энди Джонс прибыла в поселок под вечер, сразу проехала до самого конца улицы у небольшого сквера, загнала машину под навес и зашла в дом. Было уже темно. Она устала с

дороги, потому сразу легла на пропахший сыростью матрас, накрыв его валявшимся в багажнике машины пледом, и тут же уснула. А проснулась от женского крика.

“Что я тут делаю?” – крутился в голове вопрос, пока она осторожно спускалась по лестнице. Подошла к входной двери, на секунду замешкалась, обернулась назад.

“Что я пыталась тут найти?”.

Вопросы оставались без ответа. Этот дом оказался чужим. Тут не осталось ничего, что она бы помнила – или что хотелось бы помнить. Все детство Энди сражалась за внимание родителей, пыталась выиграть эту гонку у старшего брата и совсем недавно узнала, что в гонке участвовала только она. Всем остальным было плевать.

Ему было плевать.

Озираясь по сторонам и не находя, за что знакомое мог бы зацепиться взгляд, Энди жалела, что потратила все выходные на эту поездку. Она ехала сюда умереть. Но, кажется, впервые в жизни хотела жить.

С улицы доносились голоса. Ее бывший отчий дом находился дальше всех по улице, надежно укрывался от любопытных глаз за деревьями, и можно не переживать, что кто-то ее увидит. На мгновение проснулось любопытство – кто эти люди? – но тут же отпустило. Безразлично все, что не касается ее напрямую. Пусть хоть весь мир сгорит в аду.

Проснувшаяся злость, такая знакомая с самого детства, придала сил. Энди открыла дверь, быстрым шагом сбежала с перекошенного крыльца, зацепилась за торчавший гвоздь, но только поморщилась. Машина завелась с пол-оборота, и уже через секунду девушка выезжала из-под навеса.

Впереди у дома номер семнадцать она увидела несколько человек. Совсем молодая девочка, на вид не старше шестнадцати, цеплялась за мужчину, стоявшего спиной к дороге. Другой мужчина, с лохматой, сильно отросшей бородой, пытался удержать молодую женщину. Довольно высокую и худощавую. Та отбивалась, пыталась вырваться из его рук, но тот был явно сильнее.

“Кто все эти люди?” – промелькнула мысль и тут же пропала. Энди видела, как все услышали рев мотора машины, обернулись, проводили ее глазами. И уже через зеркало заднего вида заметила, что молодой женщине удалось сбежать, воспользовавшись общим замешательством.

Почему-то это обрадовало. Беги, чертовка!

– И я тоже... Побегу... – буркнула она себе под нос, скосила взгляд влево, заметила стаканчик с недопитым кофе, сделала пару глотков давно остывшего, но крепкого – то, что надо! – напитка.

Вот он, мост. Узкий – ровно на одну машину – в свете пусть и пасмурного осеннего дня он выглядел древней развалюхой, которой достаточно одного дуновения ветра, чтобы развалиться на мелкие щепки. И как она решилась вчера вечером по нему проехать?!

Неприятной душной волной накатил страх. Энди сняла ногу с педали газа, сбрасывая скорость, чуть придавила “тормоз”. Машина почти остановилась, но продолжала накатом ехать с едва заметного склона, все приближаясь к уложенным друг на друга бревнам. Еще минута, и передние колеса коснулись почерневших от времени досок, выложенных сверху на длинные бревна. Мост был не длинный, всего около ста метров. Вряд ли что-то случится, раз уж он выдержал всех остальных. И ее в том числе.

Машина медленно въехала на мост. Тот пошатнулся, словно просел под тяжестью. Раздался тихий скрип и треск. Метр за метром, затаив дыхание, Энди продвигалась вперед, стараясь не смотреть по сторонам на глубокое ущелье и бурный поток реки.

Оставалась примерно половина пути, когда в очередной раз раздался треск, но теперь его было слышно на всю округу. Мост просел на несколько сантиметров, правое переднее колесо провалилось в пробитую в трухлявой древесине яму и застряло. Машину покосило. Не зная,

что делать, Энди вжала педаль газа в пол, но сделала только хуже – ее развернуло, и задний бампер пробил ограждение моста.

– Мамочки, – прошептала девушка, судорожно соображая. Дернула рычаг переключения передач, включила задний ход, опять вдавила педаль газа – тщетно.

Мост еще раз качнулся. Ограждение с ее стороны переломилось и полетело вниз, рассыпая по воздуху щепки и налипшие еловые иголки. Заверещав от ужаса, Энди бросилась через пассажирское сидение, открыла дверь и выбралась из салона.

Деревянные бревна ходили ходуном, с каждой секундой все больше проседали вниз. Еще минута, максимум две, и мост рухнет, похоронит ее навсегда на дне ущелья.

Во второй раз в жизни Энди обуяла яростная жажда жизни. Животный инстинкт, примитивный позыв к спасению. Она хотела броситься вперед – перейти на противоположную сторону, – но прямо перед ней треснуло дощатое перекрытие, отрезая путь.

Оставалось только одно. Энди развернулась и побежала назад. Туда, откуда приехала. Ноги скользили на пропитавшихся насквозь водой досках, она падала, поднималась на карачки, ползла, перебирала руками.

Оставалось около метра, когда мост издал протяжный скрип и треск, и провалился. Машина покатила вниз, туда же полетели отломленные доски. В последней попытке спастись Энди вцепилась руками в доску, приколоченную к вкопанным в землю бревнам, на которых держалась вся конструкция. В пальцы впились сразу тысячи заноз. Ее не хватит надолго.

– Помогите! Кто-нибудь!

***

С утра раскалывалась голова. Опять снилась мать. В тысячный раз перерезала сонную артерию стеклянной “розочкой”, и потоки крови, в который Сара захлебывалась, пытаясь выплыть. Но сегодня сон имел продолжение – она видела руку отца, цеплялась за нее, но постоянно соскальзывала.

Позавчера было уже поздно, когда она приехала в незнакомый поселок, очень похожий на тот, про который рассказывала мать, когда возвращалась в состояние трезво мыслить и даже относиться к дочери с нежностью. Сара устала с дороги, пришлось оставить машину в кустах на противоположной стороне моста, чтобы не привлекать внимание того, за кем она следовала, стараясь не потерять из вида.

Внимание отца.

Найти дом, в котором жила мать, труда не составило – номер тринадцать впечатался в память. Ее день рождения. На первом этаже не нашлось ничего, кроме огромной комнаты с встроенной кухней и размокших из-за влажности картонных коробок, в которые напихали бумаги, фотографии в старых поломанных рамках... Видимо, последние жильцы решили собрать весь хлам предыдущих хозяев и думали, что кто-то решится его вывезти, но желающих не нашлось. Воспоминания гнили здесь, в одиночестве, разлагались на молекулы, превращались в пыль.

В одной из коробок нашлась фотография улыбающейся девочки рядом с новогодней елкой. Голубое платье с рюшами по низу подола, рукава-фонарики. Она прижимала к себе тряпичную куклу – совсем как ту, что подарила мама на пятый день рождения – и беззвучно смеялась.

На глаза навернулись слезы. Сара опустила на пол, прижала фотографию в перекошенной рамке к себе и заплакала. Она узнала маму. Она любила ее, несмотря ни на что.

Это же мама!

Она, наверное, задремала. Проснулась утром на кровати в одной из комнат второго этажа. Она не помнила, как поднималась сюда. Мелькнула мысль, что, может быть, это отец нашел

ее и отнес наверх, но девушка быстро отогнала непрошенные фантазии. В ее жизни не было место сказкам никогда и неоткуда взяться теперь.

Тоненькая куртка почти не защищала от ветра, и Сара съежилась, втянула голову в плечи и мелко дрожала. Она хотела найти отца, рассказать все и... Дальше была пустота. Не хотелось тешить себя напрасными надеждами на счастливое воссоединение. Но и откровенно дрянного исхода событий девушка не ждала. Она всю жизнь жила без него. Обойдется без него и дальше.

Оглядевшись, Сара свернула направо и пошла вдоль пустых домов. Страшно. Даже понимание того, что тут никого нет и быть не может, не помогало бороться с захватившим все мысли ужасом. Ребенком, приходилось часто оставаться одной, но это другое. Здесь все чужое, незнакомое. Здесь за каждой дверью, за каждым поворотом мерещились незнакомцы, так и норовящие наброситься и разорвать на куски. В памяти всплывали фильмы ужасов про мутантов, живущих в таких вот заброшенных местах, и становилось еще страшнее.

Вот он. Его дом. Синий пикап стоит припаркованный под навесом, спрятанный от любопытных глаз в тени. Сара поднялась на крыльцо и постучалась. Ни звука, ни шороха, ни движения. Легонько толкнула дверь кончиками пальцев, проверяя, открыто или нет.

Заперто. Куда он мог пойти?

Решив обойти другие дома, девушка сбежала обратно на вымощенную камнем улицу и пошла к дому напротив. Пусто. И следующий – тоже.

Дверь дома под номером семнадцать оказалась приоткрыта. Не ожидая ничего плохого, Сара вошла внутрь, осмотрелась. Выглянула из прихожей в пустую гостиную, дернула дверь подвала. Лестница на второй этаж поскрипывала под ногами, от волнения дышать стало тяжело. Остановившись на половине пути, девушка прислушалась – в одной из комнат кто-то был!

Это отец. Кто еще?

Перебирая в уме фразы, которые решат ее судьбу, Сара поднялась на второй этаж, заглянула в открытую дверь и замерла на месте.

У окна стояла простая железная кровать с пружинистой сеткой снизу и металлическим витым изголовьем. На старом матрасе, пропитанном чем-то темно-алым, липким, словно живым, лежало обнаженное тело мужчины. Шею стягивала веревка. Под ней виднелись синяки и кровоподтеки. Глаза открыты, чуть вытаращены. Стекланный взгляд устремлен прямо перед собой, и кажется, человек смотрит на что-то удивительно прекрасное. Руки привязаны к изголовью кабельными стяжками так, чтобы не дать ему пошевелиться или защищаться.

Рядом с кроватью стояла молодая женщина. Темные волосы, перепуганные серые глаза, шрам над бровью.

Сара не помнила, как закричала, как бросилась вниз по лестнице. Внизу, у самого выхода, зацепилась за оставленный прежними хозяевами пыльный половик, упала, больно ударилась головой о косяк входной двери. Суетливо поднялась, кубарем свалилась с лестницы – прямо в объятия мужчины в спортивном костюме и кроссовках с белыми полосами.

– Там, там...

Голос дрожал. Он пытался ее держать, хмурился, а она вырывалась из его рук, пытаясь сбежать.

– Ты кто? Что случилось? – прорычал мужчина. Ее отец.

От страха мысли перепутались. Она всю дорогу репетировала, что скажет, но теперь, когда, наконец-то, они встретились лицом к лицу, выпалила:

– Я твоя дочь. Дочь Рейчел. Сара.

Иголки, опавшие с елей, замерли. Бурный поток реки остановился. Ветер утих, словно наткнулся на невидимую преграду. Звуки потонули в вакууме, движения давались с трудом. Даже сердце перестало биться.

Чудилось, что мимо пролетают дни, месяцы, годы, отматывая жизнь назад, до момента ее рождения. И вот она снова в утробе матери, сжимается, становится меньше, превращается в набор клеток.

Из дома вышла молодая девушка с темными волосами и серыми глазами и встала как вкопанная. Испуганный взгляд метался от Сары к мужчине в спортивном костюме. Она что-то говорила, говорила, говорила... Пыталась оправдаться или признаться – кто ее разберет?

Весь мир раскололся на тысячи осколков и замер.

– Девочка, ты не в себе? Я тебя не знаю. И не знаю никакую Рейчел!

***

Спать пришлось в палатке. Спустившись ближе к поселку, Андрэ с удивлением обнаружил, что тот незнакомец на черном внедорожнике приехал не один. Он насчитал пять или шесть машин, спрятанных под навесом. Так, чтобы никто не увидел с дороги.

Рисковать не стал. Еще успеет насладиться домашним уютом, тем более что здесь он его все равно не дождет. Можно запустить генератор, но слишком странным было, что никто из прибывших этого не сделал. Не умеет или скрывается?

В голове роились мысли о сбежавших преступниках или наркогруппировке, которые могли облюбовать это место. Вряд ли, конечно, но чем черт не шутит?

Палатка легко уместилась у самого склона. Как раз там, где он спустился сюда, чуть не переломав себе ноги. Следом за ним сошел толстый слой почвы, окончательно отрезав этот путь на случай, если он вдруг рискнул бы выбраться к дороге через горы, как пришел. Тут не поможет ни веревка, ни лестница, ни навыки скалолаза.

Ночь выдалась беспокойная, и потому спалось отвратительно. Провертевшись до утра, Андрэ заснул только когда светало, а проснулся от истошного женского крика.

Проснулся, замер в спальном мешке, вращая глазами. Откуда звук? Расстегнул тугую молнию, вылез наружу, запнулся за рюкзак, чуть не ударился головой о некстати растущее дерево и снова замер, прислушиваясь. Кричала женщина – в этом не было сомнений. Даже, скорее, ребенок. Но откуда бы ему тут взяться? Свернув палатку и прикрепив на рюкзак, Андрэ перекинул его через плечи и медленно, останавливаясь и прислушиваясь каждые несколько метров, пошел вперед. Он не собирался изображать из себя спасателя или влезать в чужие дела – слышан был о том, чем заканчивали случайные свидетели, хотя, стоило признать, все его знания ограничивались боевиками – редкое и довольно сомнительное удовольствие, коим не гнушались друзья.

Решено было обойти поселок вдоль отвесной скалы, потом аккуратно, стараясь не броситься в глаза, добраться по краю ущелья до моста.

Через несколько минут он уже прятался в кустах и наблюдал за тем, как по улице, чуть сбавляя скорость на спуске, несется машина. За рулем сидела женщина. Это она кричала? Но от кого она бежит?

– Не твое дело, – пробормотал Андрэ, силясь заглушить в себе непонятно откуда взявшийся альтруизм. – Сейчас она проедет, а потом...

Но что-то пошло не так. Не успев доехать и до середины моста, машина застряла в проломившихся досках. Вместо того чтобы выйти и позвать на помощь или перебраться на противоположный спасительный берег, женщина – красивая, насколько он мог видеть с довольно дальнего расстояния – начала газовать. Машину занесло в сторону, ограждения начали рушиться и...

Сердце замерло и неистово заколотило в грудную клетку, распирая ребра. Сам не понимая, что делает, Андрэ скинул рюкзак в кусты, уже не заботясь, что его кто-то заметит, и бро-

силы вперед, к мосту. Он не знал, хочет ли успеть перебраться на другой берег или стремится помочь попавшей в беду незнакомке.

Он не думал. Не анализировал. Времени не было ни на что – лишь бы успеть...

Но мост обрушился, когда до него оставалось еще метров десять. Машина полетела вниз.

Пробежав на инерции до самого края ущелья, Андрэ едва успел остановиться и тут же услышал крик:

– Помогите! Кто-нибудь!

За деревянные опоры моста цеплялись окровавленные пальцы. Они скользили, кожу раздирали острые края, оставляя в ранах занозы. Еще мгновение – и незнакомка полетит вниз.

– Пожалуйста!

От этого крика кровь стыла в жилах, начинала кипеть, сворачиваться темными сгустками. Он наклонился, схватил незнакомку за запястья и с силой дернул на себя.

Подошвы шипованных кроссовок заскользили на размокшей глине, затягивая его вниз, к бурной грязно-оранжевой реке. В последний момент Андрэ переставил ноги в упор к деревянной опоре и сумел устоять.

Еще рывок... У него получилось! Незнакомка, перепачканная глиной и сильно напуганная, лежала рядом, опустив лицо на руки. Ее трясло. Так сильно, что со стороны казалось, что тело сотрясается в рыданиях.

Он положил руки ей на плечи. Осторожно, ненавязчиво. Хотел поддержать – “не бойся, я рядом”. Она затихла, резко развернулась и села, уставилась на ободранные ноги, по которым текла кровь и смешивалась с грязью. Разодранные ладони скользили по ногам, то ли пытались очиститься, то ли успокоиться. Как гладят ребенка по голове, если он вдруг устроил истерику или оцарапал коленку.

– Спасибо, – пробормотала незнакомка и пригладила разлохмаченные волосы, оставляя на них комья свежей глины.

“Психованная какая-то”, – промелькнула мысль, и Андрэ поднялся, развернулся к ней спиной и уставился в зияющую пропасть, где только что тянулся мост. Его единственный шанс убраться отсюда.

– Меня зовут Энди.

Незнакомка стояла позади него, утирала локтем перепачканное лицо и теперь превратилась в нашкодившего ребенка, который сам перепугался последствий маленькой невинной шалости. В глазах стояли слезы. Губы дрожали. Она еле сдерживала себя, и этим тоже напоминала маленькую девочку, решившую, что уже взрослая, значит, плакать нельзя.

– Андрэ, – улыбнулся он и усилием воли подавил рвущуюся наружу ярость. Она не виновата в том, что случилось. Дурацкий мост давно нужно было снести или отремонтировать...

– Спасибо, – повторила она охрипшим голосом.

Он ничего не ответил – все внимание переключилось на троих незнакомцев, торопившихся к ним по склону со стороны домов. Двое мужчин и совсем молодая девушка. Лет пятнадцать или шестнадцать... Она едва поспевала за ними, и было заметно, что очень боялась и оставаться одной, и идти дальше.

Кто они? Как попали сюда?

И как, черт побери, им теперь выбираться отсюда?!

***

Еще вчера он чувствовал себя свободным. Все получилось. Переживать больше не о чем. С прошлым покончено навсегда! Бумаги, которые он искал, лежали там, где и положено, – в архиве полицейского участка, в железных шкафах с выдвижными ящиками. Там было еще много всего. Много грязи и гадости. То, за что некоторые из упомянутых людей – как и он сам

– готовы были продать что угодно, даже самого себя, лишь бы навсегда стереть эти события. Пусть не из памяти, хотя бы из так красиво горящих бумаг... Он уже хотел их достать и сжечь в лесу, но подумал, что неплохо бы еще раз перечитать давно забытые моменты. Хотя разве такое забудешь?!

Бумаги забрал с собой. Хотел прихватить и еще несколько личных дел, но решил, что вернется за ними позже. Может быть, и из тех давно минувших дней получится урвать лакомый кусочек.

На ночь Дениэл Фрай устроился в доме, где когда-то жил. Он стоял ближе всех к лесу и примерно на таком же расстоянии от здания полицейского участка – идеальное место. Заводить генератор не стал – он, не будь дураком, заметил следующую за ним красную с белыми полосами машину той журналисточки, которая пасла его у дома. Ничего особенного, очередная сука, решившая нажиться на грязном белье кандидата в губернаторы. Они все, словно стервятники, слетались целой стаей, стоило только чуть-чуть дать слабину. Чувствовали чужое горе, сволочи, устраивали пир на выпотрошенном сплетнями человеке. Он поговорит с ней завтра, если только девчонка не уберется к тому времени. Пока пусть думает, что он заехал сюда случайно, поэтому не в курсе, что в сарае за домом установлен генератор.

В доме воздух прогрелся на удивление хорошо – деревянные стены впитали воспоминания о лете и солнечных лучах, а сохранившиеся в целости стекла не пропускали усилившийся к вечеру ветер. Он уснул сразу, как только голова коснулась свернутой в несколько раз куртки. А утром, когда еще не рассвело, пошел прогуляться в лес, на то место, где они с друзьями когда-то играли... Папку с документами предусмотрительно спрятал в машину, решив, что отправится в обратный путь сразу, как вернется, а посмотреть на бумаги можно и в дороге. Наверное, так будет даже лучше. Он представил себе небольшое придорожное кафе – видел одно, когда проезжал через очередную деревню. Если повезет, там подадут горячий крепкий кофе в большой кружке и кусок дымящегося свежего пирога с клубникой и взбитыми сливками. Но самое главное – в этой глуши его вряд ли узнают, значит, можно будет спокойно насладиться едой и воспоминаниями.

Лес одурманивал запахом хвои и свежей, стекающей по шершавым стволам смолы. Дениэл вспомнил, как мальчишкой прятался за деревьями и постоянно вляпывался в липкую субстанцию, которую матери приходилось выстирывать вручную. Дорожка вела вверх по склону и дальше вдоль почти отвесной скалы. Оказалось сложно вспомнить, где именно находилось то место, где они любили строить шалаши из густых еловых лап, носиться между черных стволов, валяться на мягком ковре из опавших иголок и смотреть вверх, как качаются темно-зеленые треугольные верхушки. Иногда, если удавалось улизнуть из дома, можно было убежать сюда и застать влюбленные парочки. Мальчишки и девчонки постарше не гнушались использовать детские шалаши для своих взрослых игр и даже не подозревали, что за ними следят несколько светящихся любопытством глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.